

A close-up portrait of a woman with voluminous, wavy blonde hair. She is smiling slightly and looking towards the camera. She is wearing a bright blue top, a matching blue beaded necklace with a silver ring, and large blue and silver earrings. The background is a soft, out-of-focus grey.

Новое. Любимое

Лариса
Рубальская

Лариса Алексеевна Рубальская
Новое. Любимое (сборник)
Серия «Поэзия подарочная»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41992115

Новое. Любимое: Издательство «Э»; М.; 2015

ISBN 978-5-699-83520-1

Аннотация

К юбилею Ларисы Рубальской новая книга, в которую включены и давно полюбившиеся стихотворения, и более поздние и современные стихотворения. Эта книга уберезет от безнадежности, подарит надежду всем, даже отчаявшимся. И безусловно, это книга о любви! Ведь уникальность поэтической манеры Ларисы Рубальской в том, что каждая ее песня – история любви, о которой еще не все сказано.

Содержание

Предисловие	7
А потом все сначала	9
Я так давно существую публично...	11
Все сначала	41
Там, на вираже	44
Посерединке августа	46
Растворимый кофе	48
Лесные пожары	50
В апельсиновом саду	52
Возраст любви	54
Голубой ангел	55
Давай поженимся!	56
В день, когда ты ушла	58
Исход	60
И стар, и млад	62
Зимний вечер	64
Кепочка	66
Ну что он смотрит?	68
Она была с глазами синими	70
Она любила бланманже	72
Отечество	74
Близкая весна	76
Последний бал	77

До свиданья	78
Бывает...	80
Хризантемы	81
Сезон любви	83
Пой, цыганка	85
Всякое бывает	86
Приходите, женихи!	88
Лунный сад	90
Синица	91
Отель «Шератон»	93
Время	94
Посланник добра	96
Сонет	98
Олеша	99
Петр I	101
Венецианская серенада	103
Любовь безответная	105
Пьеро и Арлекин	107
Ах, маэстро!	108
Место под солнцем	110
Новый бойфренд	112
Хочу! Хочу! Хочу!	113
Овен	115
Говорят, под Новый год...	117
Позади печали	119
Вернулась грусть	121

Такая карта мне легла	123
Случайная связь	125
Доченька	127
Не надо, ой, не надо	129
Сбудется – не сбудется	131
История первая	131
История вторая	142
История третья	155
История четвертая	163
Конец ознакомительного фрагмента.	168

**Лариса Алексеевна
Рубальская
Новое. Любимое**

© Рубальская Л. А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Предисловие

Я завидую тем авторам, которые пишут книгу за книгой. У меня так не получается. Ведь стихи – это особенное состояние души. Оно зависит от многого. Например, я очень часто езжу с концертами. А в других городах мне не пишется. Только в Москве. Ни за границей, ни на даче, ни на природе, каким бы не был красивым окружающий пейзаж, как ни старайся, ничего в голову не приходит. А вот в Москве – пожалуйста! Что это за загадка такая? Сижу дома, за окном шум – дети кричат во дворе, машины ездят, за стенкой у соседки телевизор на всю мощь. А мне хорошо, и ничего не мешает, только успевай, записывай.

А вот недавно я решила прочитать все, что написала. Честно говоря, бывали моменты, когда я, читая, забывала, что это написано мной самой.

И кое-что мне определенно понравилось. Я очень надеюсь, что тот, кому попадет в руки эта книжка, найдет в ней какие-то важные для себя строчки. И может быть, кому-то станет легче на душе, кто-то вспомнит давно забытое, погрустит и порадуетя вместе со мной. Я-то, конечно, желаю,

чтоб побольше радовались, если это получится. Вернее, если у меня это получилось. По крайней мере, я старалась.

А ПОТОМ ВСЕ СНАЧАЛА

*Ты обещал прийти
Около десяти.
Десять, двенадцать, час,
Так и не дождалась.
Я не спала всю ночь.
Я сочиняла речь —
Все, уходи ты прочь,
Больше не будет встреч.*

*А потом все сначала —
Я ждала и скучала,
Прогоняла, прощала
И назад возвращала.
А потом все сначала —
Что-то в трубку кричала,
И на стрелки смотрела,
И ревела, ревела...*

*Снег так похож на дождь,
С правдой похожа ложь,
Занят, долги, дела,
Сердце тоска свела.
Город ночной – мой враг,
Как же ты можешь так,*

*Ты же не изменял,
Ты предавал меня.*

*А потом все сначала —
Я ждала и скучала,
Прогоняла, прощала
И назад возвращала.
А потом все сначала —
Что-то в трубку кричала,
И на стрелки смотрела,
И редела, редела...*

Я так давно существую публично...

Я так давно существую публично, что всем кажется: «Она такая безоблачная! Такая счастливая!» Ко мне часто подходят зрительницы и спрашивают: «А вы когда-нибудь плачете?» Плачу! Плачу, дорогие женщины! Ничего из того, что есть у каждого человека в жизни – депрессии, страдания, радость, счастье, – не обошло и меня...

Есть истории, о которых мне страшно вспоминать даже наедине с собой, есть истории, от которых мне неловко, а есть истории, которые мне очень хочется рассказать, но мои герои, известные люди, наверняка не помнят даже, как меня звали. Дело в том, что с именем известной поэтессы Ларисы Рубальской я живу последние двадцать лет. А тогда, можно сказать, я стояла в третьем ряду миманса, где-то с краю. Это теперь я перешла поближе к авансцене...

Мои сердечные истории начались очень рано. Я не знала, буду ли когда-нибудь заниматься поэзией, но в школе мои песенки распевали все: «Было мне тогда двенадцать лет всего, я случайно посмотрела на него». Песенка про мою нераз-

деленную школьную любовь пелась с легким модным иностранным акцентом. Одноклассник Славик был моим героем много лет. А я его, увы, не интересовала. Ну не любят мальчишки девчонок, которые в них влюбляются без памяти. Бедному Славiku было совсем не до этого, зато во мне бушевали страсти взрослого человека. Все свое время я тратила на то, чтобы придумать, как признаться в любви моему однокласснику. Повод скоро представился. Однажды мы пошли с учительницей в поход. Я потихоньку стащила у мамы китайскую кофту «Дружба», в ней я собиралась признаться в своих чувствах. Я специально подстроила, чтобы меня со Славиком назначили дневалить у костра. Заранее выучила любовный отрывок из «Мцыри», нарядилась в кофту, и мы заступили на вахту. Но отрывок зачитать я так и не успела, потому что сразу же предательски заснула. А проснулась от того, что мне сильно жгло спину. Гляжу – на мне мамина выходная кофта полыхает! Пока я каталась на спине, чтобы потушить пламя, мой герой сидел в кустах с мальчишками и от души смеялся. Оказывается, когда я заснула, он тихонько подвинул меня ближе к костру. Но его коварный поступок не загасил огонь любви, и я стала придумывать, как же все-таки мне ему признаться. Прошло время. Мы учимся в восьмом, я продолжаю вздыхать по Славiku.

Я стерегла его у школы и ходила за ним повсюду, позвякивая двухкопеечными монетами для телефона-автомата. Звонила ему без конца, меняя голос, а он швырял трубку. Я его

совсем измучила – он меня просто возненавидел! Но я не теряла надежды. Для новогоднего школьного вечера я придумала аттракцион: обладатели одинаковых половинок разрезанной открытки танцуют вместе (как вы понимаете, надежды, что он меня пригласит, не было никакой!). У меня со Славиком, естественно, оказалась открытка с ландышем, и мы закружились в танце.

А в то время на экранах кинотеатров шел популярный фильм «Мистер Питкин в тылу врага». Там была очень смешная сцена со взрывающимися сигаретами. И мой любимый, разгадав секрет бомбы – смесь красного фосфора с бертолетовой солью, – подготовил мне сюрприз. Я в упоении танцую и не замечаю, что Славик потихоньку задвинул меня в угол и... вдруг раздался взрыв! Ужас был в том, что я тайком взяла у мамы колготки. Мало того что я шла по морозу домой с красными от ожога ногами, так еще и в рваных единственных маминых колготках... Но и на этом я не остановилась! Мы заканчивали школу. Славик уже так со мной не шутил, вроде бы перестал увливать от встреч и даже однажды согласился покататься вместе на лодке на ВДНХ. На свидание я собиралась, как на свадьбу: накрахмалила нижние юбки так, что они у меня стояли, словно пачка у балерины! Мой кавалер забил веслами по воде, и только я приготовилась наконец прочитать «Мцыри», как оказалась под сильными струями фонтана, куда он специально направил лодку. Он от души смеялся, глядя, как моя прическа съеха-

ла набок, а крахмальные юбки обвисли. Тут моя любовь и закончилась!

Но я по-прежнему мечтала кому-нибудь когда-нибудь прочитать отрывок из «Мцыри», мечтала о большой любви и чтобы мой избранник умел складывать слова в прозу или стихи – не важно. Мне всегда мерещилось, что я выйду замуж за поэта или писателя, желательно известного! Но пути в этот недостижимый мир у меня не было. А еще преследовал страх, что даже если встречу Его и у нас вспыхнет любовь, он... забудет спросить, как меня зовут! Я так долго об этом думала, что как только герой, о котором я столько мечтала, ненадолго возник в моей жизни, первое, о чем я ему сказала, было: «Не забудьте, меня зовут Лариса Рубальская!» Но это в моей жизни случилось позже, а пока я искала себе жениха.

После школы я училась заочно в педагогическом институте и работала машинисткой в Литературном институте. Мой оклад был сорок два рубля. Я долго думала: много это или мало? Пока меня кто-то не успокоил: «Ты что, старуха, это классно! Директор Ваганьковского кладбища столько не получает!» Я поняла, что поймала удачу за бороду. Так как в Литературном институте можно было встретить известного писателя! Да, можно было. Но мне он не успел встретиться. Проработала я там... целых двадцать два дня. Двенадцать из них провела на овощной базе. Там я успела проявить свой недюжинный ум, придумав новый способ разгрузки арбузов. Это очень ускорило процесс разгрузки, и мне написа-

ли на первой странице трудовой книжки благодарность за рацпредложение. Правда, я больше интересовалась окружающими писателями, а не скучными приказами, которые приходилось печатать. У меня ведь была светлая мечта, поэтому я пожирала глазами каждого нового посетителя. Но пожилая машинистка, сидевшая за соседним столом, о моей мечте не знала и однажды громко обозвала меня бранным словом. Меня, совершенно безгрешного ангела, это страшно оскорбило. Я схватила стоявший на окне приемник «Рекорд» и долбанула машинистку по голове. Ей повезло: приемник был старый и у него не было внутренностей, а иначе за свой поступок пришлось бы дорого ответить. На следующий день я на работу не вышла и отправилась искать мечту в редакции журнала «Смена». Там я продержалась много лет и, работая тоже машинисткой, ходила как сомнамбула, потому что любой, кто появлялся в нашем предбаннике, был «небожителем»! Я печатала известным писателям и поэтам командировочные удостоверения и с каждым из них представляла себя в фате. Но никто на меня, скромную машинистку, особенно не обращал внимания. И по воле судьбы не «небожитель» зацепил крылом мою жизнь, а телефонист, который пришел в редакцию починить телефон. Телефонист был моим опасным заблуждением, на которое я потратила несколько лет жизни... Он, как и писатели, умел «складывать слова» очень бойко, но... только матерные! А знаки препинания расставлял при помощи своих кулаков. Он так

ловко выбивал из меня мои «улеты», что я только успевала уворачиваться. А пошла я на это дело из страха... остаться в старых девах, хотя мне было всего девятнадцать. Мои школьные подружки одна за другой повыскакивали замуж, кое-кто уже родил ребенка, а я все в поиске. В это время я попадаю в больницу. Мне сделали операцию на почке, располозовав мою талию. Однажды я услышала разговор двух теток, соседок по палате. «Бедная девка, – сказала одна. – Ну кто теперь ее замуж возьмет?» «Да-а, – подхватила другая. – С таким-то безобразным швом!» И в моей голове зародился страх: «Действительно! Ну какой теперь писатель такую уродину полюбит? Как только выйду из больницы, выскочу замуж за первого встречного!» А первый встречный тут как тут – сидит с авоськой витаминов и готов хоть завтра жениться. Вот я и пошла за телефониста. Как меня, умную и возвышенную барышню, угораздило так «вляпаться», не понимаю! Словом, сработал вечный принцип – любовь зла, полюбишь и козла. Мое замужество можно было определить словами одной известной песенки: «Повстречались как-то раз эскимос и папуас». Милый и наивный эскимос – это я, а кроважидный людоед-папуас – это он! На редкость неподходящая парочка, и тем не менее мы прожили вместе четыре года. Мне даже имя его не хочется вспоминать, и если я его когда-нибудь встречу, не узнаю. Меня ведь растили хорошей девочкой, а я связалась с нехорошим. Но я тщательно скрывала от родителей все трудности и хитро пресекала все по-

пытки родителей прийти к нам в гости, иначе они меня сразу же забрали бы.

Я была девушка возвышенная и романтическая, а моя жизнь с папуасом оказалась страшной прозой. Он не только любил выпивать, но и устройства был подонистого. Мне приходилось очень трудно: я училась, денег постоянно не было, и голод костлявой рукой уже схватил меня за горло... Не знаю, как я выжила бы, не появись у меня в нашей коммуналке дружок. Рыжему соседскому коту в семье доставалось лучшее. Хотя его домочадцам приходилось туго, но они залезали в долг и кота кормили как на убой. Это меня и спасло! Коту томили на сковородке хамсу в ароматном подсолнечном масле, и она походила на шпроты. Возвращаюсь я однажды поздно вечером из института. Все спят, а кот сидит у миски и с аппетитом уплетает рыбу. Я его подвинула ногой, попробовала кошачьи деликатесы и с удовольствием все съела! С тех пор мы с ним стали делить трапезу. Я поправляюсь как на дрожжах, а кот, наоборот, тает на глазах. Перепуганная соседка понесла бедолагу к ветеринару. Тот его осмотрел, послушал и прописал витамины и уколы. Кот витамины ел, но все худел и худел. Тогда соседи срочно устроили собрание на общей кухне. На том собрании была и я, но признаться, что объедаю кота, не смогла. А остановиться не могу – выживать-то надо! Кота спасло только то, что я ушла из той дурацкой жизни.

А случилось это так. Папуас стал поздно возвращаться до-

мой. Однажды его друг проговорился, что пьет он не у ребят, как я думала, а у особы женского пола. Меня это очень оскорбило, и я ушла к родителям. Он умолял вернуться, порезал себе вены и лежал в «Склифе», но я, если переворачиваю страницу своей жизни, никогда не перелистываю склеенные временем страницы...

Но если в истории с попыткой устроить личную жизнь точка была поставлена, история с котом имела продолжение. Однажды звонит мне соседка – она работала комендантом в женском общежитии: «Помнишь, как моего кота объедала? Пора отдавать долги». Кота, правда, уже давно на свете не было, но долг платежом красен. «Ты понимаешь, – говорит она. – Девки-то мои все лимитчицы. Денег нет, в любовь не верят, плачут по ночам, и одна даже грозит повеситься. Помоги! Твой портрет, Лариса, у них на стенке висит. Поговори по душам...»

Я пришла. Рассказала девчонкам о коварном Славике, о писателе, который оказался женатиком, о спасителе-коте и о том, как безуспешно искала жениха. Девчонки взбодрились и даже подарили с любовью вытканый своими руками коврик. Он у меня до сих пор на даче висит. Кстати, никто из них не повесился. Так я отдала свой долг за кота!

Когда я выпуталась из оков замужней жизни, вернулась к прежней мечте – полюбить писателя! Но как его найти? Я все время старалась вырваться из своего круга, тянулась к высокому. Ходила на выставки, концерты, запоем читала

произведения одного писателя, который тогда мне казался эпицентром мироздания. И однажды мне снится странный сон. Иду я по Коктебелю, а навстречу Он! И стал этот сон повторяться. Тут приближаются майские праздники. Мы с подружками скопили денег и решили рвануть на юг, в Коктебель, женихов искать! Все мы (а нам исполнилось по двадцать шесть лет!) уже успели побывать замужем и решились на вторую попытку. В Коктебеле пошли в ресторан. И – о чудо! – в страшно задымленном переполненном зале я вижу своего «небожителя». За его столиком сидел подвыпивший критик. Он встал, покачиваясь подошел к нам, трем молодым красавицам, и произнес: «Умоляю! Составьте нам компанию!» Так я оказалась рядом со своим кумиром. Но его внимание привлекла моя подружка, пышнотелая блондинка, которая постоянно уводила у меня кавалеров. Писатель повернулся ко мне спиной, обнял подружку за плечи и зашептал ей на ухо: «Я мечтал о вас всю жизнь!» Та кокетливо засмеялась: «Да? Ну тогда можете мне бутерброд икоркой намазать...», и он бросился выполнять ее желание. А я, замарашка, сидела рядом и смотрела на его широкую спину. Потом постучала по ней пальчиком и тихо сказала: «А я мечтала о вас...» К моему удивлению, он это услышал, тут же повернулся ко мне и... забыл о подружке! И весь вечер проговорил только со мной. Я была на седьмом небе! Улучив момент, попросила у девчонок ключ от нашей комнаты. Тихонько положила ключ под его тарелку в надежде, что он

найдет его и пойдет за мной. Но в этот момент официантка унесла тарелки со стола и... все увидели на скатерти ключ. От позора я стала алой, как роза!

И тем не менее ключ нам все же пригодился! Наша история продолжалась и в Москве несколько месяцев. Но поскольку ничего серьезного у нас получиться не могло (он был женат), я очень страдала. Как-то моя умная подруга посоветовала: «Ты отравишься этой любовью, он сделает тебя несчастной. Брось его!» И вы можете себе представить, я его бросила! Перестала подходить к телефону, плакала в подушку, страдала, но все-таки победила эту любовь! Рано или поздно он все равно исчез бы из моей жизни, потому что таких, как я, у него были тысячи! Это ему я потом сказала: «Запомните, меня зовут Лариса Рубальская».

Но в тот день, когда мы с ключом вошли в комнату, мне было не до этой фразы. Но наступило утро, и мои подружки вот-вот должны были вернуться, и вот тут-то я выпалила: «Не забудьте. Я Лариса Рубальская». Помню, он очень удивился: «Хорошо-хорошо! Я запомнил». Прошло около сорока лет с тех пор. Иногда я его вижу. Как ни странно, он не связывает меня с той восторженной девчушкой, которая очертя голову кинулась в этот роман... Но сон-то, где мы с ним гуляем по Коктебелю, сбился. У меня часто бывали пророческие сны. Когда я засыпаю, то даже побаиваюсь или, наоборот, обнадеживаю себя: что мне сегодня приснится? В снах обязательно приходят ко мне какие-то знаки. Расскажу

одну историю. Я очень любила отца, мы с ним были удивительно похожи. В то лето отцу исполнилось пятьдесят девять лет. У него пошаливало сердце, но родители решили поехать отдыхать на юг, а мы с мужем – в Прибалтику. В один солнечный день мы с друзьями отправились за грибами в лес. И вдруг какой-то необъяснимый запах ударил мне в лицо, и меня с невероятной силой швырнуло на землю. Ко мне подбежали: «Что с тобой? У тебя что-нибудь болит?» – «Не знаю. Что-то произошло...» Было двадцать минут первого. Мы пошли обратно к палаткам, пора было готовить обед. Гляжу – навстречу идет лесник. У него, единственного на всю округу, был телефон. Все удивились, а я сразу же все поняла: «Он хочет сказать, что у меня умер отец». Как оказалось, отец умер на пляже в Одессе именно в двадцать минут первого, именно тогда, когда меня какая-то страшная сила бросила на землю...

Не думаю, что я экстрасенс, хотя ко мне прилипают всякие металлические предметы, и не ясновидящая, я – ясночувствующая... Только дотрагиваюсь головой до подушки – и уже ясно вижу, каким будет следующий день.

А как-то мне приснился сон, что в меня влюблен Билл Клинтон! Мы с ним танцуем, и он так горячо дышит мне в ухо, что у меня даже челка раздувается. Я спрашиваю: «А вы скандала не боитесь?», а он: «Боюсь, но остановиться не могу!» Тогда все газеты писали о скандальной истории американского президента с Моникой Левински. Он как раз в

моем вкусе – я светленьких люблю, а Моника, как и я, не худенькая. Я даже стихи написала: «Я смеялась, глаза закрывала, Билл мне в ухо шептал – ай лав ю...»

Рассказываю я на одной передаче придуманную байку, что, мол, когда Билл Клинтон давал интервью на «Эхо Москвы», увидел среди многочисленных фотографий мою и остановился. «Кто эта женщина?» – спрашивает, не скрывая интереса. Сотрудники редакции отвечают: «Лариса Рубальская, она стихи пишет». А Билл и говорит: «У меня такое чувство, будто мы с ней давно знакомы и у нас даже была лав стори». Повернулся и к лифту пошел. Я приготовилась к гомерическому хохоту, но почему-то никто в студии не засмеялся. Представляете, мне поверили!

К сожалению, неудавшийся роман не отбил у меня желания искать суженого среди писателей. После «Смены» я работала корректором в редакции одного толстого журнала, и там со мной тоже произошла интересная история. На одной из вечеринок я заметила, что на меня засматривается один из наших начальников, еще один «небожитель». Когда на следующей вечеринке я читала эпиграммы собственного сочинения (и ему в том числе), его взгляд задержался на мне еще дольше. Потом он подошел ко мне и сказал: «Я буду ждать вас завтра на платформе в Переделкине с девяти утра и до тех пор, пока вы не придете...» У меня земля поплыла из-под ног! Я сразу же бросилась в парикмахерскую и перекрасилась в блондинку. Почему? Я хотела быть достойной это-

го предложения! Моя умная подруга опять принялась меня отговаривать: «Ларис, не ходи к нему на свидание... Пони-маешь, ты – садовница, а он – король. Ты нужна ему для ми-молетных утех. Он тебя бросит, ты будешь страдать...» Но я не послушалась.

И хотя правила требуют, чтобы я опоздала на свидание хо-тя бы на полчаса, я была на платформе без пяти девять, при-мчавшись раньше его. Он тоже, как и предыдущий «небожи-тель», оказался семейным человеком. Но я никогда не бы-ла разрушительницей. Просто «зацепила» немножко своего счастья, и у нас была долгая история... Странный получился стереотип: меня не покидало ощущение, что я должна выйти из этой истории первой. Хотя мне совершенно этого не хоте-лось. А время-то шло! Двадцать шесть лет, двадцать семь... Замуж-то все равно пора!

А была у меня замечательная подруга, которая стала зани-маться подбором «кадров». И однажды «кадра» привели. Он был режиссер-документалист. Ну конечно, не поэт и не писа-тель, но человек творческий. И я его полюбила. Он человек свободный, разведенный, и все шло к тому, что мы поженим-ся. Но через некоторое время оказалось, что развестись-то он развелся, но бывшую жену не разлюбил. Мало того, она в отсутствие второго мужа позволяла моему документалисту ее посещать. Для меня это известие было страшным ударом. Я устраивала истерики своему возлюбленному, он вяло от-пирался. Однажды я узнала от подруги, что та женщина при-

дет в гости к моему любимому. И я решила устроить разборку! Надела парик, положила в сумку нож и отправилась уничтожать свою соперницу. Звоню в дверь – мне не открывают. Стучу кулаком – ни звука! Тогда я достала нож, расковыряла замок, выбила дверь и влетела в квартиру. Странно, но он сидел один. «Ты идиотка! – покрутил он пальцем у виска, а потом добавил: – Чтобы я тебя больше не видел!» С тех пор он не подпускал меня к своей личности ни на шаг, зато у меня теперь есть о чем рассказывать!

А почему так получилось? Дело не в темпераменте, а... в той книжке, которую я на момент тех или иных событий читала. Я – жертва литературы. Из книжек учусь и хорошему и плохому. Я могла быть и Эммой Бовари, и Дженни Герхардт... Легко проживала высокие эмоции литературных героинь. В данном случае во мне явно проснулась Кармен! Одним словом, потеряла я кинематографиста навсегда!

В моей жизни большую роль играли советчицы-подруги... Но есть такое свойство у некоторых женщин: когда плохо, они тебе сострадают и всячески помогают, а когда тебе чуть лучше, чем им, тут начинается что-то скрести внутри. Мне попадались коварные подруги. Бывало, и кавалеров уводили. Моя лучшая школьная подружка всех моих кавалеров до одного отбивала. Я обижалась: «Ну ты же не хочешь с ним целоваться!», а она опять за свое. Но мы с ней до сих пор дружим... А потом... мои героини чаще всего сами меня бросали.

Помню, стою с одним человеком у «Детского мира» (боже, как он мне нравился, не «Детский мир», а тот человек – холостой, бравый, при погонах!) и говорю ему: «Ты моя настурция на закате августа, когда отцвели все цветы...» Военный посмотрел на меня подозрительно и сказал, как в ледяной омут бросил: «У тебя уже жопа не помещается за школьной партой! Ты что такое говоришь?» На такое недопонимание сильного пола я натыкалась не раз.

Для меня очень важно не быть одной. Но встречались все не те люди... Вот эта история случилась после моего первого неудавшегося брака. Как-то довелось мне поработать в пионерском лагере в Прибалтике. И однажды к одному из пионеров приехал папа. Очень интересный мужчина, просто красавец! Дети шли спать, а папаша долго сидел со мной, держал меня за руку и говорил приятные слова. Все вечера мы проводили вместе. Через четыре дня он уехал – его оркестр, в котором он работал музыкантом, отправлялся на гастроли за рубеж. В Москве он нашел меня и пригласил в ресторан «Метрополь». Одна девчонка на работе, видя, как я мучаюсь, посоветовала: «Пойди в комиссионку и выбери самое красивое платье... Что? Денег нет? Ничего, скинемся! Только ты ярлык не снимай, потом мы платье обратно сдадим». Я купила себе голубой кримпленовый костюм и, спрятав под воротничок ярлык, счастливая потопала в «Метрополь». За столом я очень боялась капнуть на костюм и отказалась от любимых котлет по-киевски. Мы весь вечер в упо-

ении танцевали. В такси он целовал мои пальцы с обгрызенными ногтями машинистки и шептал: «Я никогда не был так счастлив!»

У него оказалась шикарная квартира. После кофе он предложил мне посмотреть ее. «Это я привез из Ливана, этот малахитовый слоник из Индии, эта вазочка из Китая, эта люстра из Таиланда...» – с увлечением вел он экскурсию. Заходим в спальню. Во всю стену зеркальная панель. «Хочешь, я покажу тебе вещи моей жены?» – спрашивает он и открывает одну из панелей. И начинает доставать необыкновенно красивые платья и называть какие-то фирмы, надеясь произвести особенное впечатление. Перья, блески, боа, шелк! Чистая комиссионка! «А хочешь померить?» – мило стиво предложил он и приложил платье к моей фигуре: «Тебе должно пойти». Я молчала, а сама боялась, что он услышит, как предательски громко бьется мое сердце. Неужели он не видит, что обижает меня? «А здесь в мешки зашиты ее шубы. Я не буду их распарывать. Жена их зашила, чтобы мошь не съела...»

Будильник зазвонил в восемь. Мой возлюбленный разбудил меня: «Вставай! Пора уходить. Кофе стынет». Я потянулась и осталась лежать в постели: «Я его потом разогрею. У меня сегодня отгул, посплю еще немножко. Ты не волнуйся, дверь за собой захлопну». Он оторопел, попытался еще раз меня растолкать и ушел взбешенный. Хлопнул дверью так, что люстра из Таиланда чуть на пол не грохнулась. А

во мне уже проснулось женское коварство, и ни капельки не было его жаль. Через час звонок. «Ты еще там?» – нервно поинтересовался он. «Ой, милый. Я тут платья твоей жены примеряю. Я в них и правда такая красавица! Слушай, ты меня не будешь ругать? Я каблуком подол зеленого платья случайно зацепила, чуть не упала. Подол порвался. Слушай, если отрезать и подол подшить, будет незаметно. Да, тут еще бусы рассыпались...» – «Ты что?! Ты что?» – «Да я их почти все собрала. Может, что-то и закатилось, будешь убирать – найдешь». В трубке раздался крик: «Плебейка! Негодяйка! Тварь подзаборная! Вон из моего дома!» «Слушай меня внимательно, – перебила я его. – Ничего в вашем доме я не трогала. Сидела на кухне и плакала. Так унижать людей нельзя! А вашего мне ничего не надо!» Я положила трубку и хлопнула дверью. Люстра из Таиланда жалобно звякнула. Потом он мне звонил, просил прощения. Но и эту страницу я перелистнула без сожаления...

Феллиниевской Кабирией я была не раз! Я уже училась на курсах японского языка. Однажды гуляю с подружкой в парке. К нам подходят два парня. Один из них сразу же стал ухаживать за подругой. Через два дня мы собрались у нее. Вдруг ее кавалер приглашает меня на танец, и я чувствую, что и у меня есть шанс. Я не подлая натура, но тогда все-таки совершила подлость и в тот вечер ушла с ним. Как я потом просила прощения у подружки! Но сделать ничего не могла. Я полюбила, и он полюбил... Как он признался, да-

же развелся из-за меня. Но однажды не встретил меня, как обычно, после курсов. Я удивилась: неделю не появляется, дай, думаю, позвоню. К телефону подошла какая-то девушка. Как оказалось, он встречал с курсов меня, а вышла эта девушка. Они познакомились... Так он развелся ради меня, а женился через неделю на другой...

Я плакала и страдала от многочисленных ударов судьбы. Потом все образовывалось, молодость брала свое. Но когда поняла, что моя жизнь безнадежно погружается в одиночество, решила спуститься с небес. Даже стихи у меня такие есть: «Мне тридцать лет, а я не замужем...» Да и папа однажды сказал: «Хватит летать выше облаков. Нужно найти надежного серьезного человека». Понятное дело, только где же его взять?! И опять обратилась за помощью к подругам. Как-то в Ялте отдыхала с друзьями и познакомилась с Галиной Борисовной Волчек. Я поведала ей о своей печали: хочу замуж, да не за кого! «Слушай, у меня в Москве есть классная подруга, а у нее брат. Вы подходите по возрасту. Считай, что устроена», – обнадежила Галина Борисовна. Я не могла дождаться конца отпуска. И вот в один из вечеров назначили смотрины. Едва подруга Волчек Тата переступила порог, я сразу же поняла – будем дружить. А брат... слава богу, я ему не понравилась. Но с тех пор мы с ним хорошие товарищи.

Тата с этого вечера стала активно искать мне жениха. Обзвонила всех подруг: «У нас тут есть Лариска. Ей нужен человек – свободный, положительный, да и еще чтобы интере-

совался поэзией!» Одна сразу же «просигналила»: «У моего мужа в клинике работает один. Только что развелся. Стоматолог. Приличный человек». И мне решили показать этого стоматолога. Я в ужасе: «Он хоть одну книжку прочитал? В театр ходил?» «Разведка» тут же донесла: «Не волнуйся, он занимался самодеятельностью. Его в институте называли даже стоматолог-Мейерхольд». Кандидат в женихи мне страшно не понравился! Высокий, большой, а я любила маленьких... Так что на свидания ходила без всякого удовольствия. А теперь я представляю слово моему мужу.

Давид, муж Ларисы Рубальской:

В то время, когда меня насильно познакомили с Ларисой, я был «вольный казак» и не хотел серьезных отношений. А наши общие друзья настаивали: «Она хороший человек, прекрасная женщина!», и отказывать им было неудобно. Я долго сопротивлялся, но меня заставили все-таки пойти на смотрины. Все уши прожужжали: «Это все ради тебя устроили!» Девятого мая вся компания должна была собраться в ресторане «Узбекистан». Но я не мог этот святой праздник провести не с родными. Подъехал с родней к ресторану и на минутку туда заскочил, чтобы не обижать отказом. Среди сотрудников сидела незнакомая женщина, которая, как я понял, очень серьезно подготовилась к встрече.

– Как же это ты успел заметить?

– На тебе висело штук двадцать разных цепочек. Я толь-

ко одного не мог понять: она пришла на аукцион или на свидание? Как потом объяснила Лариса: чтобы сразу же меня ослепить, она надела все презенты от японцев. Я посчитал их количество и попрощался. Словом, отметился!

– А ты думал обо мне потом, какую красавицу встретил?

– Нет, честно говоря, не думал. Поскольку я работал стоматологом, никакой материальной заинтересованности в этих цепочках у меня не было. А ее таланты и женское обаяние при первой встрече не разглядел.

– А чем же я поразила при второй встрече?

– Тем, что ты могла так много выпить! Я видел, что тебя за это очень уважали японцы. И я решил на втором свидании тебя проверить. Друзья продолжали упорно нас сватать, деваться было некуда.

– А мне ты так не понравился, что я просто решила забыться и выпила как следует. Чтоб не видеть с кем, чтоб расплылось! А потом ты стал по мне скучать?

– Не скучал, я не люблю пьяных. Мне было уже тридцать семь, и мама мечтала сдать сына на руки женщине, которая будет не хуже ее обо мне заботиться.

– Да, а я, рискуя жизнью, просто купила ему в «Березке» японскую дубленку. Тут он и понял: куда ж деваться! И лыжи купила, чтобы мы встречались.

– Лыжи купил я! Кому вы верите: мне или ей? Когда я сказал, что будем ходить на лыжах, она тут же позвонила Галине Борисовне Волчек: «Какой ужас! Он зовет меня кататься на

лыжах!» А когда собрались летом в поход, я долго объяснял Ларисе, как складывать вещи в рюкзак. Но она полюбила эти походы, полюбила и лыжи. Наверное, и меня...

Продолжаю рассказ. Друзья пригласили меня отдохнуть в Сухуми. Аркадий Хайт, Александр Левенбук и Лион Измаилов поехали с женами, а я одна. Жили в симпатичном домишке у моря. По вечерам ходили в город прямо по железнодорожным шпалам. Впереди шли три парочки, а сзади плелась я. В какой-то день мне стало грустно, я взяла листочек бумаги и нарисовала картину: шпалы, рельсы, шесть человечков идут парами, а я, седьмой, сзади плетусь. И коротко приписала: «А я хожу сзади одна...» Запечатала конверт и отправила письмо этому жутко не понравившемуся типу. Он тут же приехал ко мне в Сухуми! В Москву мы вернулись абсолютно близкими людьми.

Заканчивался сентябрь. Папа, познакомившись с Давидом, сказал: «Если ты егопустишь, считай, что зря живешь на свете!» Я потихоньку смирилась с тем, что он высокий, что немножко медленно говорит, зато он очень интересно рассказывал о театре, искусстве. Не скажу, что была сильно влюблена, но почему-то хотелось быть с ним рядом. Потом наступил октябрь, затем ноябрь... Мне уже тридцать первый год, и я прекрасно понимала: если мы быстро не определимся насчет замужества, это опять зависнет. И тогда я решила пойти на хитрость. И купила лыжи. Думаю: «У нас будет повод встречаться». Заготовила фразу, которую собира-

лась сказать: «Знаешь, наступают холода, встречаться нам негде, будем ходить на лыжах». А когда мы встретились, первым начал Давид: «Знаешь, наступают холода, а встречаться нам негде, давай поженимся». Я иногда думаю: как хорошо, что все мои предыдущие попытки выйти замуж рухнули и я встретила свою судьбу! С Давидом мы вместе вот уже тридцать лет. Ведь именно мой муж вправе назвать себя моим «крестным отцом» в поэзии... А началось это так. На дни рождения Давиду я всегда писала стишки. Однажды он спрашивает: «Тебе никогда не говорили, что ты талантливо пишешь?» Я только отмахнулась. Шесть лет он меня уговаривал заняться этим серьезно. Однажды к нему на прием пришел композитор Володя Мигуля. Сидит в кресле со слепком во рту, а муж говорит: «Моя жена пишет замечательные стихи. Хочу вам показать». Володя не посмел отказаться – слепок-то во рту так может и остаться! Вот он и дал мне задание написать песню. В это время я как переводчица поехала с группой японцев в Сочи. Пошла гулять по пляжу и все думала: о чем писать? И тут нашла билетик в кино. Там стояло число прошедшего лета. И родились строчки: «Не в сезон, в начале марта, я приду на пляж забытый. Прошлогодние приметы я у моря поищу...» Придумала еще три куплета и отдала Мигуле. Он прочитал и сказал: «Вы скоро будете ездить на белом «Мерседесе»!» Прошло полгода. Звонит Мигуля: «Быстро включай телевизор!» Там Толкунова пела мою песню. С этого момента я перестала быть тем, кем была до тех

пор... И стала поэтессой. А до этого я работала переводчиком с японского... Почему именно с японского? Когда я получила диплом учительницы русского языка и литературы, количество преподавателей на душу населения учеников зашкаливало. Меня приняли в школу старшей пионервожатой с правом преподавания в пятом классе. На первый же открытый урок пришла комиссия из РОНО. Мы проходили сказку «Морозко». Я объясняла детям, что единственный положительный герой сказки – собачка, которая правду о злой мачехе и ее дочке тьякала. После урока в учительской мне объяснили: «Собачка в советской школе положительным героем быть не может. Это возмутительно! Больше никаких уроков!» Дома я весь вечер рыдала. Расстроенная моим провалом мама читала «Вечерку» и вдруг говорит: «Ларис, гляди: объявление на курсы японского. Ты у нас чудная – что другие не могут, ты сможешь!»

И я пошла на курсы. А поскольку всегда была нацелена на поиски женихов, то на занятиях не сводила глаз с одного «кандидата». Поэтому выучила японский ушами, не выучив глазами: ни писать, ни читать не умею. Но это не помешало мне проработать переводчицей двадцать пять лет! Я работала на японском телевидении и в московском представительстве газеты «Асахи». Мы с корреспондентом ходили на пресс-конференции, я стенографировала текст, а потом переводила его на японский с листа. Ездила на саммиты во многие страны мира, а если надо было, сопровождала жен

японских корреспондентов к сапожникам или в магазины.

Как-то к нам приехал известный японский пианист, и я его всюду сопровождала. И вот он приглашает меня на ужин в ресторан. Я еле дождалась вечера, надела все самое лучшее, даже парик напялила. Мне казалось, что длинные волосы делают из меня романтическую красавицу. Хозяйка парика, моя соседка, густо побрызгала мои родные волосы лаком, и парик сел намертво. В ресторан я опоздала на две минуты (хотя надо было минут на десять, чтобы кавалер поволновался). Сдаю в гардероб пальто и от счастья, забыв обо всем, снимаю парик, как шапку, и тоже отдаю гардеробщику. Не могу описать того ужаса на его лице, который мне довелось увидеть! Я схватила пальто и вылетела на улицу. Догонять меня никто не стал. Волосы я потом час отмывала от лака. Соседку жалко: осталась без парика, которым так гордилась!

Однажды нас с японцами повезли в показательный колхоз. Коровник по приказу начальства драили так, что в нем должно было пахнуть «Шанелью», но пахло как обычно – навозом. Зато коровы были здоровые, вымя на земле лежало! Японец мне попался совсем дурной: что ни переведу – ничего не запоминает. Измучилась совсем! И тут у меня в голове от досады проносится фраза: «Напрасные слова...» В этот момент корова, промычав, поднимает хвост и с шумом делает свое дело. Навоз шлепается теплой кучей на пол, а у меня рождается строчка: «Плесните колдовства в хрустальный мрак бокала». Теперь вы знаете, «из какого сора рас-

тут стихи!» С этого момента я больше не могла переводить японцу. Так родился романс «Напрасные слова» о «виньетке ложной сути». А знаете, что такое «виньетка»? Расскажу. Я родилась в 45-м. Бедное, голодное, оборванное детство. Мы – худые до синевы военные детишки. Однажды во дворе появился фотограф с «лейкой» и поснимал ребятню. Через два дня он принес карточки. Мы глазам своим не верили – на фоне гордых кипарисов, синего моря и райских птичек на нас смотрели розовощекие с ясными глазками дети из другой, благополучной жизни. «Это виньетка!» – объяснил чудо-фотограф. С тех пор я поняла, что всю жуть вокруг можно скрыть «виньеткой».

Музыку к моим стихам написал Давид Тухманов, а редакторша телевидения познакомила меня с Малининым, тогда еще неизвестным исполнителем, кстати, и фамилия у него была другая. Молодой певец готовился к конкурсу в Юрмале. Пришел ко мне домой за песней в длинной шинели, с хвостом и двумя серьгами в ухе. С ним была какая-то девушка с разноцветными ногтями. Малинин сел за пианино и спел песню «Летают перепелки, ходят телки». Я испугалась: «Рокер какой-то! Как с ним найти общий язык?» Но муж проявил большую гибкость и убедил Сашу исполнить на конкурсе мой романс: «Тухманов в жюри, не забывай об этом!» Малинин послушался и выиграл конкурс! Теперь с удовольствием поет мои романсы.

Исполнителей в первые годы искала я. Однажды в моем

доме появилась парочка – Ирина Аллегрова и Володя Дубовицкий. Мы очень подружились: им нужна была я, а мне – они. Мы сидели и под огурчики и водочку жарко обсуждали будущее. Ира думала, как ей зачесывать свои темные волосы – слева направо или наоборот, что петь и как петь. В ее репертуаре уже появилась наша с Тухмановым песня «Темная лошадка». В то время мы с ней были одного размера. И когда Иру пригласили на запись «Голубого огонька», я ей одолжила свой джинсовый костюм, который мне помогли приобрести друзья-японцы. Я написала Ире песни «Транзитный пассажир», «Сквозняки», «Угонщица»...

Помню, на день рождения к Давиду Ира пришла с двумя огромными противнями пирожных, которые сама испекла. Их было пятьдесят – ровно столько, сколько исполнилось юбиляру. Ее муж, Володя Дубовицкий, стал просто моим братом: он заходил в гости часто без дела, мы сидели и трепались. Когда они с Ирой разошлись, передо мной встал вопрос: с кем остаться? Надо было кого-то из них выбрать. Володька тогда оказался мне ближе... С Ирой же мы сохранили хорошие отношения. Она единственная из звезд не отсылает меня к своим секретарям. Мы всегда друг другу очень рады.

В то время Александр Буйнов ушел из «Веселых ребят» и начинал сольную карьеру. Я написала ему песню «Люби меня, как я тебя», которая ему очень понравилась. Мы приятельствовали с ним и его женой Аленой. Однажды она говорит: «Мы идем к Пугачевой. Давай тебя с собой возьмем».

Я затряслась от страха, но Давид уговорил: «Иди! Это же такой шанс!» Я стала думать, что ей подарить. И тут вспомнила про подаренные японцами две пары колготок и две пачки рисовой вермишели. Это чтобы подкрепить свое появление в доме звезды экзотическим подношением.

Я так волновалась, что сразу же стала пить одну рюмку за другой. Когда же все сели за стол и появилась возможность пообщаться с нужными людьми, я уже лыка не вязала! Зато громко и храбро что-то несла. Помню, сказала Алле: «Знаете, вы не такая уж заносчивая, как о вас говорят!» Она рассмеялась: «С нормальными я нормальная!» Однако не думаю, что я на нее произвела тогда благоприятное впечатление! Больше «ко двору» меня не приглашали.

И тем не менее Алла спела песню Андрея Савченко на мои слова «Какая ты смешная, любимая моя» на день рождения Кристины, заменив слово «любимая» на «доченька». Песня стала очень популярной. А вторую – «Живи спокойно, страна!» – для Аллы мы написали с Игорем Крутым. А в тот день я даже колготки на нервной почве забыла отдать. Так все обратно и принесла! Между прочим, в то время это был страшный дефицит. Когда уезжала моя первая группа японцев, мне в подарок оставили пакетик. Увидев там три пары колготок, я потеряла дар речи и тут же раздарила их подружкам. В «Спутнике» мы проходили инструктаж: можно брать ручку или брелок и никаких колготок. Однажды японец мне протягивает огромный пакет с колготками. Я ему

шепчу по-японски: «Отдадите позже! В номере». Сопровождающий отвел меня в сторонку и спросил: «А что вы шептали японцу?» – «Я ответила, что у советских своя гордость и колготки нам не нужны!»

Мы ездили с делегациями по стройкам и колхозам, и я совершенно искренне переводила здравицы о советских достижениях и успехах. Даже стишки написала: «Я японцев укрошаю, в нашу веру обращаю».

Было смешно: лет-то мне было уже немало, а я и не подозревала, что существует какая-то нетрадиционная форма любви. Как-то в Союз приехало очень популярное варьете «Девушки из Такарадзуки». Во время шоу семьдесят три девушки беспрерывно переодевались, и я, как человек отзывчивый, помогала им застегивать молнии на платьях, подавала боа. Вдруг ко мне подходит одна из старших группы и вежливо просит: «Лариса-сан, к этой девушке больше не подходите». Я не поняла, в чем дело. Потом мне переводчица все объяснила: «Ты что – дура? Это же ее девушка! Она тебя закусает, если ты будешь ее трогать».

С одной группой мы поехали в Вильнюс. Решили пойти в ночной бар. Глава делегации предложил мне надеть кимоно. Наряжали меня всей группой: черный парик, накрасили глаза, затянули пояс-оби. Никто не догадался, что я не японка. Вернулись в гостиницу за полночь. У себя в номере я стала раздеваться, но никак не могу развязать хитро закрученный пояс. Жарко, спать страшно хочется. Иду по коридору

в кимоно, все уже улеглись, свет горит только из-под двери главы делегации. Стучу: «Китамори-сан, помогите размотать пояс». Он вежливо согласился мне помочь. Вдруг на пороге как из-под земли появился администратор! Потом меня замучили объяснительными: что вы делали ночью в номере у японца и почему он вас раздевал?

Я никогда не изнуряла себя модной диетой, как эстрадные звезды. И правда, не всем же ходить по подиуму. Если мне вдруг становится грустно, я иду в музей и люблюсь женщинами Рубенса и Рембрандта. Брожу однажды по Эрмитажу с японцами. Остановились у Данаи. Слышу, руководитель японской делегации задумчиво произносит: «А Даная-сан очень похожа фигурой на нашу Ларису-сан!», так что у меня нет комплексов по поводу веса. Как-то мы с Давидом и нашим другом Юрой отдыхали в Сухуми. (Юру я порой называю «мужезаменитель», настолько он наш близкий друг.) Собрались вечером в ресторан. Я нарядилась, долго вертелась перед зеркалом и, хотя целиком в нем не уместилась, была очень довольна той частью, которую удалось увидеть. В ресторане с меня не сводил восторженных глаз грузинский повар, но Юра предупредил: «Ты особо-то не обольщайся! Он приглядывает тебя на холодец!» А мне и не обидно! Зато когда я на сцене выступаю, меня и без бинокля хорошо видно!

В моей жизни, конечно, не обошлось без испытаний. В апреле 2004 года у Давида случился инсульт. Семнадцать дней

мы с ним провели в реанимации, а потом четыре месяца в больнице. Он очень сильный человек и борется с недугом изо всех сил! Его очень уважают и любят коллеги, он продолжает занимать пост заведующего отделением. Надеюсь, мы преодолели самые тяжелые испытания в нашей жизни... Он совершенно полноценный, думающий, чувствующий человек, а того, что ему не хватает, я добавлю.

Еще я печалюсь, что у меня нет детей. Было время, когда все подружки вокруг рожали, а я завидовала. Я лечилась, делала все что могла, но, как говорится, Бог не дал... А на прощанье скажу вот что. Только последние три года я не работаю переводчиком. А ведь я была очарована Японией настолько, что дома ходила в кимоно, ела только палочками, повсюду у меня висели веера. А теперь я убрала веера, забыла про суши и спрятала кимоно. У меня началась новая страница в жизни – концерты, песни, гастролы. Я перелистываю страницы жизни, они хорошо склеиваются, и я уже не хочу возвращаться в прошлое.

Все сначала

Она подошла ко мне на автобусной остановке, посмотрела внимательно, потом вдруг протянула руку, дернула меня за волосы и печально так сказала: ну вот и проспорила.

Хотя я про себя ничего такого особенного не воображала, но все же глупо было бы не отреагировать: девушка, почему вы так странно себя повели – подошли к незнакомому человеку, за волосы дернули? Как это понимать?

А она: – Ой, Ларис, я что-то не подумала, вы так часто по телику, ну совсем своя. А у нас девчонки на работе поспорили – кто говорит, что у вас парик, потому что свои волосы так не лежат, а кто – что просто вы укладку каждый день делаете. Ну я из тех, кто про парик думает. Выходит, мы торт проиграли... Меня Света зовут.

Напишите вот тут что-нибудь, а то девчонки не поверят, что я вас так, на остановке встретила. Мы думаем, что такие, как вы, только на машинах крутых ездят. Надо же, мне как повезло!

Пока Света тараторила, я ее разглядывала. У меня вообще привычка такая – разглядывать, расспрашивать. Причем, задавая вопрос, я уже примерно знаю ответ. И почти никогда не ошибаюсь. Наверно, из-за большого жизненного опыта. Сразу вижу – одиноки ли, сколько лет (как бы ни была накрашена), откуда приехала – по речи слышу. Одним словом, мо-

гу цыганкой наряжаться и промышлять гаданием. Свете было лет двадцать восемь, но выглядела она помоложе. Я разглядела в ней неудачное недолгое первое замужество, после которого последовал роман с женатым мужчиной, недавно закончившийся и до конца еще не отболевший. Еще угадывалось, что не все потеряно, и скоро появится новая любовь, в которую Света пока еще не верит.

Мне захотелось проверить свои догадки, и я, сама не знаю почему, позвала ее выпить по чашечке кофе в кофейне неподалеку. Света смутилась, но минут через двадцать мы уже сидели друг против друга и болтали, как старые подружки.

Переворачивать кофейную чашечку, чтоб погадать на гуще, Свете не пришлось, потому что я так точно описала ее прошлое, что в предсказания на будущее она тут же поверила.

На мой концерт Света привела всех своих девчонок, которые тогда на торт поспорили. И они все смеялись, когда после концерта пришли ко мне в примерку, а я ждала их, напялив специально принесенный парик. Торт уже был нарезан, чай разлит по чашкам. Выходило, что никто не проспориł – и свои волосы лежат хорошо, и парик к лицу.

Они все его по очереди померили и взяли потом на память – мои новые подружки, пять аварийных девчонок, уже переживших, уже настрадавшихся, ожидающих и надеющихся. На прощанье я им сказала – главное, дождаться мая. А потом само покатит.

Света иногда звонит мне, и я знаю, что УЗИ показало, что у нее будет мальчик, что токсокоз очень измучил, и Игорь за нее и будущего сына очень волнуется. Конечно хорошо, что сынок, а если б девочка была, она бы назвала ее Лариской. Правда, имя сейчас не модное, но ведь это все я ей напророчила, и все сбылось.

Таких историй я могла бы рассказать очень много, и все они были бы со счастливым концом, потому что я хочу вам напророчить радость.

А плохое, и даже очень страшное, бывает в каждой жизни. И никуда от этого не денешься. Но мне-то зачем об этом писать?!

Предупреждаю всех сразу – не будет ни в рассказах моих, ни в стихах ни смертей, ни убийств, ни наркоманов, ни алкоголиков. И воров тоже не будет, и детей никто в доме ребенка не оставит, и друга не предаст.

Правда, разведенки попадаться будут, мужики-паразиты, соседки вредные. Вот и все. Ничего интересного. Но я хочу, чтоб именно так и было. А я просто так ничего не говорю. Про Свету помните? Вот так.

Там, на вираже

Я боюсь оглянуться назад,
Там ты южный, я северный полюс.
Видеть твой обжигающий взгляд,
Слышать твой остужающий голос.

Вспоминать я боюсь и забыть
Ночь в холодном, брошенном доме.
Нам с тобою там больше не быть,
Так зачем я, скажи, это помню?

Там, на вираже,
Ты, как в гонках сложных,
В яростном броске
Мчишь на красный свет.
И в моей душе
Так неосторожно,
Словно на песке,
Оставляешь след.

Я боюсь оглянуться назад,
Снова быть отрешенной и грешной.
Облетает цветущий наш сад,
В зимний сон погружаясь неспешно.

Будут дни холодней и темней,
Мне однажды покажется, может,
Что ты тоже грустишь обо мне
И ту ночь вспоминаешь ты тоже.

Я боюсь, что накатит волной
То, что мне пережитым казалось,
И тебя там не будет со мной,
Только грусть где-то в сердце осталась.

Грусть пройдет, так бывало не раз,
Вспоминать тебя буду без боли.
Только это потом, а сейчас
Сердце бьется, как птица в неволе.

Посерединке августа

Ты повесил на гвоздь
Бескозырочку белую,
Бросил ты якоря
У моих берегов.

Я теперь не пойму,
Что такого я сделала,
Что уплыл твой корабль
И исчезла любовь.

Посерединке августа
На берегу осталась я.
А ты увел свой парусник
За дальние моря.

Не вспоминай, пожалуйста,
Про серединку августа,
Когда зашкалит градусник
В начале января.

Я забыть не могу
Ту походочку плавную,
Волны сильных штормов
В глубине синих глаз.

Я сейчас поняла,
Что любовь – это главное,
Только жаль, что она
Не сложилась у нас.

Посерединке августа
На берегу осталась я.
А ты увел свой парусник
За дальние моря.

Не вспоминай, пожалуйста,
Про серединку августа,
Когда зашкалит градусник
В начале января.

Я на фото смотрю
И роняю слезиночки.
Сколько ласковых слов
Ты сказал мне тогда.

Ненаглядной назвал
И своей половиночкой,
Поматросил меня
И забыл навсегда.

Растворимый кофе

Сегодня что-то грустно мне,
А к грусти не привыкла я.
Включу негромко музыку
И сигаретку выкурю.

Хоть было все неправдою,
Что ты наговорил,
Но все равно я радуюсь,
Что ты со мною был.

Хоть ты не настоящий,
Как растворимый кофе,
Но действуешь бодряще,
В любви ты суперпрофи.

Считаю жизнь пропащей,
Когда мы врозь, любимый,
Хоть ты не настоящий,
Как кофе растворимый.

Ты не оставил адреса,
Мой сладкий, засекреченный.
Тебя искать отправлюсь я
Сегодня поздним вечером.

У кофе растворимого
Неповторимый вкус.
Тебя найду, любимый, я
И тут же растворюсь.

Лесные пожары

Солнце отпылало жарким шаром
И сгорело где-то в вышине.
Те лесные давние пожары
Снова искрой вспыхнули во мне.

Что со мной случилось, кто мне скажет,
В сердце тлеет серая зола.
Может, я на том пожаре страшном
Жив остался, но сгорел дотла?

Лесные пожары,
Лесные пожары,
Мне снятся и снятся
Ночные кошмары.
Сгорели осины,
Обуглились ели,
В стихии всесильной
Лишь мы уцелели.

На рассвете мы с тобой проснемся,
Ты не плачь, любимая моя.
Никогда мы больше не вернемся
В эти опаленные края.

Только кто пожары в нас потушит?
Мы навек остались в тех лесах.
Искрами взлетают наши души,
Догорая в темных небесах.

В апельсиновом саду (Моя поздняя радость)

Город мой заснежен,
Я в нем одинок.
Слышу в снах я грешных
Шепот волн у ног.
Остров в океане,
Замок из песка,
Ты мне так близка,
Моя поздняя радость.

Тот день был солнцем переполнен,
И разбивались в брызги волны,
В том апельсиновом саду
В растаявшем году.
А мне не верится, что где-то
Прошло, сгорело наше лето,
В том апельсиновом саду
В растаявшем году.

(Но это лето не забылось,
Лишь в уголок души забилося
В том апельсиновом саду
В растаявшем году.)

На часах песочных
Прежних дней отсчет

Серебристой точкой
Тает самолет.
Унесла наш замок
Времени волна,
Только в зимних снах
Моя поздняя радость.

Возраст любви

Третий день за окном
Ветер листья кружит.
А со мною третий день девочки не дружат.
Как мне им объяснить,
Что со мной случилось,
Что я первая из них в мальчика влюбилась.

Возраст любви, и Амур-пострел
Тут как тут,
Рядышком.
Возраст любви, и одна из стрел
В сердце попала вдруг.
Возраст любви, он ко всем придет,
Разве с ним справишься?
Возраст любви не обойдет и моих подруг.

Если я расскажу,
Что мне ночью снится,
То девчонки на меня перестанут злиться.
А пока мой секрет
Пусть секретом будет.
А девчонки за спиной пусть жужжат-судят.

Голубой ангел

Когда насмешницей-судьбой
Я опечален безнадежно,
Мой нежный ангел голубой,
Явись ко мне в мой сон тревожный.

Явись, крылом меня коснись,
Чтоб сердца струны зазвучали.
Не торопись обратно ввысь,
Не оставляй меня в печали.

Не оставляй меня в тиши,
Согрей меня своим дыханьем,
В пустынный сад моей души
Опять придут воспоминанья.

И, очарован ворожкой,
Я быть хочу твоею тенью.
Мой нежный ангел голубой,
Мое желанное виденье.

Давай поженимся!

В черных лужах листья кружит
Вечер мокрый во дворе.
Вышло так, что все подружки
Вышли замуж в сентябре.

Говорят они при встрече
Слово новое – семья.
Но одна в осенний вечер
Под дождем гуляю я.

Я вижу свет в твоём окне,
Ты руки тянешь не ко мне,
Не для меня зажег свечу,
А я ведь тоже так хочу.
Хочу, чтоб ты других забыл,
Хочу, чтоб ты меня любил,
Хочу, чтоб мне сказал слова —
Давай поженимся, давай!

У меня на сердце рана
По ночам огнем горит.
В восемнадцать замуж рано —
Так мне мама говорит.

Сохнут слезы на подушке,
Снова ночь прошла без сна.
Вышли замуж все подружки,
Только я хожу одна.

В день, когда ты ушла

В день, когда ты ушла,
Снег засыпал дорогу у дома,
По которой могла
Ты еще возвратиться назад.
В день, когда ты ушла,
Стало все по-другому.
Намело седины
В золотой облетающий сад.

В день, когда ты ушла,
Еще долго шаги раздавались.
Это эхо твое
Не хотело мой дом покидать.
В день, когда ты ушла,
Твое имя осталось
Среди горьких рябин
В облетевшем саду зимовать.

В день, когда ты ушла,
От меня улетела синица.
Я ловил журавля,
А синицу не смог удержать.
День, когда ты ушла,
Больше не повторится.

Снег метет за окном.

И от холода ветки дрожат.

Исход

Солнце жгучим шаром
Нестерпимым жаром
В небе полыхало,
Землю обжигало.
Землю обжигало.
По пескам сыпучим,
Жаждою измучен,
Босиком, в лохмотьях,
Шел народ к свободе.

Шолом, уставший,
Шолом, страдавший,
Не потерявший лучшее, народ.
Живи спокойно,
Живи достойно,
И знай – не может вечным быть исход.

Кто судьбу пророчит?
Дни сменяли ночи.
К ночи жар остынет,
Нет конца пустыне.
Впереди идущий
Знал сердца и души.
Вел и вел народ он

От рабов к свободе.

Шолом, уставший,
Шолом, страдавший,
Не потерявший лучшее, народ.
Живи спокойно,
Живи достойно,
И знай – не может вечным быть исход.

Под звездою желтой
Сколько лет прошел ты?
Мой народ печальный
И многострадальный.
И смывало горе
Мраморное море.
Ты пришел в желанный
Край обетованный.

И стар, и млад

В небе вечернем зажжется звезда,
Свет свой подарит вселенной.
Прямо с афиши, волнуясь всегда,
Звезды выходят на сцену.

Кто-то в кулисах замрет не дыша,
Смотрит восторженным взглядом.
Через секунду он сделает шаг
И со звездой встанет рядом.

И стар, и млад, и стар, и млад,
Имен известных звездопад
И начинающий талант,
И каждый здесь друг другу рад.
Ударь по струнам, музыкант,
Пусть струны радостно звучат,
И каждый здесь друг другу рад —
И стар, и млад.

Если ты стар и от славы устал,
Если ты сыт и не беден,
Тем помоги, кто выходит на старт,
Чтобы пробиться к победе.

Если ты млад, если в сердце азарт,
Если к успеху стремишься,
Смело бери этот первый свой старт
И в суперстар превратишься.

Зимний вечер

Фонари качают свет над улицей,
Снежный вечер путает следы.
Что гадать на «сбудется – не сбудется»?
Ведь как будет, знаешь только ты.

Дотронься теплыми ладонями,
Согрей меня среди зимы.
Друг другу мы не посторонние,
Друг другу не чужие мы.

На стекле мороз рисует кружево,
Сердце так устало без любви.
Ты забудь обиды все ненужные
И меня, как раньше, позови.

Дотронься теплыми ладонями,
Согрей меня среди зимы.
Друг другу мы не посторонние,
Друг другу не чужие мы.

Посмотри в окно свое морозное,
И прочтешь на выпавшем снегу:
Приходи, ведь все вернуть не поздно нам,
Без тебя я просто не могу.

Кепочка

Говорила мне в юности девочка,
Так задумчиво глядя в окно,
Что моя хулиганская кепочка
Не дает ей покоя давно.

Что она совершенно не учится
И зачет не сдала до сих пор,
Что ее заставляет так мучиться
Легкомысленный этот убор.

Ах, кепочка ты, кепочка,
Да нет тебе цены.
У нас в России в кепочках
Гуляют пацаны.
Ах, кепочка ты, кепочка,
Фасончик высший класс.
Носите, люди, кепочки.
Кто в кепках, тот за нас!

Мне хотелось ответить ей: деточка,
Ты подумай немножко сама.
Ведь моя заливчатская кепочка
Уже столько сводила с ума!

Но на тополе хрустнула веточка,
Белый цвет полетел по двору,
И я снял перед девочкой кепочку
И надел ее только к утру.

Ну что он смотрит?

Он жил в высотке на последнем этаже,
Он мне плеснул глоток шампанского в фужер.
На белых стенах кабинета
Портреты женщин неодетых,
И я сама уже почти что в неглиже.

Ну что он смотрит сверху вниз,
Исполню я его каприз,
Он птица важная – я вижу по полету.
А я не то что влюблена
И от шампанского пьяна,
А просто так – сопротивляться неохота.

Печальный опыт я имела столько раз!
Вот на часы он должен посмотреть сейчас.
Зевнет и скажет: время – деньги,
Пойдем, хорош глазеть на стены,
И холодком плеснет из светло-серых глаз.

Ну что он смотрит сверху вниз,
Исполню я его каприз,
Он птица важная – я вижу по полету.
А я не то что влюблена
И от шампанского пьяна,

А просто так – сопротивляться неохота.

Он жил в высотке на последнем этаже,
Он так запутал мной придуманный сюжет,
И поняла я, что пропала,
В высотный плен навек попала,
И сам он тоже не торопится уже.

Она была с глазами синими

Она была с глазами синими,
Почти под цвет морской воды.
Благоухая апельсинами,
Цвели приморские сады.

Моя душа взрывалась гимнами,
И белый ангел пролетал.
Она была с глазами синими,
Я о такой всю жизнь мечтал.

Я шептал ей: дорогая,
Не могу я жить без вас.
Я шептал ей: пропадаю
В синих брызгах ваших глаз.
Мы стояли у причала,
Пароход вдали гудел.
Я шептал, она молчала,
Так весь отпуск пролетел.

Окутан дом мой снами синими,
Ведь все кончается, увы.
Исчезла та, с глазами синими,
Предмет моей морской любви.

Мы, мужики, должны быть сильными,
И сам я бросил не одну.
Но, вспомнив ту, с глазами синими,
Слезу невольную смахну.

Она любила бланманже

Она любила бланманже,
Она читала Беранже,
И были все ее движе...
Ужасно грациозны.
Ее увидев неглиже,
Сказал я только – надо же!
И полюбил ее уже
Теперь совсем серьезно.

В ее глазах был скрыт тайник,
В ее словах журчал родник,
Но разговор у нас возник
Про наши отношенья.
Она устроила вдруг крик,
И я, конечно, сразу сник,
Похож стал на пиратский бриг
На краешке крушенья.

Идя по лезвию ножа,
Стоп-кран я вовремя нажал.
Я был услужливей пажа,
Распахивая двери.
Пока ее я провожал,
По пудре от мадам Роша

Текли остатки миража —
Я им уже не верю.

Отечество

В дни удачи и в трудные годы
Мысль одна согревает меня —
Что мы все из Отечества родом,
По Отечеству, значит, родня.

Сердцем чувствовал, где бы я ни был
И куда б меня жизнь ни вела, —
Над Отечеством хмурое небо
Мне дороже чужого тепла.

Живи, Отечество, живи,
Клянусь тебе в моей любви,
И как бы ни было в судьбе,
Клянусь я верным быть тебе.
Прости мне громкие слова,
Пока душа моя жива,
Клянусь тебе в моей любви,
Живи, Отечество, живи!!!

Прилетят к нам и теплые ветры,
К нам дотянутся солнца лучи,
И в потоке весеннего света
Побегут из-под снега ручьи.

Пусть пускает кораблики мальчик,
Он поймет, когда будет большой, —
У него есть Отечество, значит,
Он на этой земле не чужой.

Близкая весна

Вечер синий, одинокий,
Близкая весна.
Путь привычный, недалекий,
Я иду одна.

А могло все быть иначе,
Чья же в том вина?
На краю сосульки плачет
Близкая весна.

Я в троллейбусе пустынном
Сяду у окна.
Тонким льдом на лужах стынет
Близкая весна.

В море грусти закипает
Новая волна.
Что ж она не закипает,
Близкая весна?!

Последний бал

Тронь, скрипач, смычком струну.
Звук разбудит тишину,
И грянет бал ночной,
Летящий и шальной.
К нам звезда летит в ночи,
Эта ночь нас разлучит,
С тобой в последний раз
Танцуем мы сейчас.

Ах, ночка, чаро-чародейка, не спеши,
К рассвету не спеши.
Разлука, мука и злодейка, боль души,
Разлука, боль души.

Все растает, как мираж,
И последний танец наш,
И скрипок нежный звук,
И нежность глаз и рук.
Будь что будет – все судьба.
Ты ночной запомни бал.
В шатре ночных огней
Ты даришь танец мне.

До свиданья

До свиданья, до свиданья,
Все кончается.
До свиданья, до свиданья,
Мы прощаемся.
Чтоб опять
Встречи ждать,
И сердца любви полны.
Как не хочется прощаться,
Но по кругу стрелки мчатся,
Пусть сегодня вам приснятся
Только радостные сны.

До свиданья, до свиданья,
Новый день придет.
До свиданья, до свиданья
Пусть вас радость ждет.
Пробил час,
Мы сейчас
Разойдемся по домам.
Нам важней любой награды,
Чтоб теплели ваши взгляды.
Пусть живет удача рядом
И заглядывает к вам.

До свиданья. До свиданья,
На прощание
До свиданья, до свиданья,
Вам желаем мы
Добрых дней
И ночей
И счастливых долгих лет.
Чтобы вы спокойно жили,
Чтобы вас всегда любили,
И чтоб ангелы кружили,
Охраняя вас от бед.

Бывает...

Все в жизни бывает, и все может быть,
Из нас только пленник в ней каждый.
И главное – просто кого-то любить,
А все остальное не важно.

И попробуй угадай,
И гадать не стоит,
Свет зеленый – проходи,
Красный свет – замри!
Потому что каждый день
Что-то происходит,
И прекрасна эта жизнь,
Что ни говори!

Зимую мы ждем наступленья весны,
Нам лета весной не хватает.
Бывает, сбываются вещие сны,
Не сбывшись, уходят, бывает.

И кружится жизни незримая нить,
Судьбою ее называют.
И нам не дано ничего изменить,
Бывает, бывает, бывает...

Хризантемы

Бледный лучик света
На подушке замер.
Твоего букета
Я коснусь губами.

В хризантемах белых
Горький привкус боли.
Что же, милый, сделал
Ты с моей любовью?

Хризантемы
Знак измены, знак печали,
Нас (они) венчали, нас и разлучали.
Нас венчали, нас и разлучали.

Хризантемы, эти хризантемы,
Горек, как горек вкус измены,
Осыпает ветреная осень
Золото моей любви.
Золото твоей любви.

Я сама не знаю,
Что мне делать, милый.
Все понять смогла я,

А простить не в силах.

Разве это важно? —

Хризантемы вянут.

Ты поймешь однажды,

Кто из нас обманут.

Сезон любви

А ночь такая лунная была,
Рука твоя, как лодочка, плыла,
А я была рекой
Под этою рукой
И лодку по течению гнала.

А лодочка качнулась на волне,
И что-то ты шептал такое мне,
Я слушала слова,
Кружилась голова,
И ползали мурашки по спине.

Ту ночь назад не вернуть.
Не вспоминай и забудь.
Он так недолог был, увы,
Сезон любви.

А часики натикали рассвет,
И больше ни реки, ни лодки нет,
Грустит пустой причал,
Где ты чуть-чуть скучал,
Когда на мой вопрос искал ответ.

Сезон любви был в ночь одну длиной,

Теперь в реке любви мне плыть одной.

А лодочка-рука

Уже так далека,

Ах, что же она сделала со мной!

Я тобою отравилась,

Милый мой, тогда,

Приплыви в ночь любви

Опять ко мне сюда-да-да!

Пой, цыганка

Бей, цыганка, в звонкий бубен, карты разложи,
Звезды осыпаются с небес.

Затяни, цыганка, песню,

Табор разбуди.

Что со мною завтра будет, правду Расскажи,

И на мой трефовый интерес

Дай надежду, слезы отведи.

Пой, цыганка, и в танце кружи.

С неба звезды лови.

Нагадай мне и наворижи,

Что дождусь и я своей любви.

Пой, пой, пой и кружи,

Мне гадай-ворижи.

На гитаре вздрогнут струны под твоей рукой,

Темные глаза полны огня.

Ночь плывет крестовой масти,

У тебя в руках судьба моя.

Нашепчи мне слов безумных, душу успокой,

И скажи, что любит он меня,

Обещай, цыганка, счастья,

В эту ночь тебе поверю я.

Всякое бывает

Не смотри так строго,
Я себя виновной не считаю,
Всякое бывает,
Всякое случилось и у нас.
Ни к чему упреки,
Кто тебе сказал, что я святая,
Я попала в плен
Незнакомых глаз.

Всякое бывает,
В нашей жизни всякое бывает,
Сколько раз грешил ты,
Я тебя прощала сколько раз!
А теперь не знаю,
Что со мной случилось, я не знаю —
Вдруг глаза чужие
Стали мне родней знакомых глаз.

В окна постучались
Горькие осенние рябины,
Нас судьба связала
Нитями некрепкими с тобой.
Не смотри назад,
Все пойми и не держи обиды.

Просто у меня
Новая любовь.

Приходите, женихи!

Колечко обручальное
На палец нанижу
И про свои печали я
Ни слова не скажу.

Мои подружки замужем,
За каменной стеной,
И засыпать пора уже
Давно мне не одной.

Приходите, женихи,
Больше ждать нет мочи,
Приходите, женихи,
Девка замуж хочет.
Приходите, женихи,
Девка будет рада,
Приходите, женихи,
Девке замуж надо.

Вчера в салоне свадебном
Я мерила фату,
Смотреть мне было радостно
На эту красоту.

Хочу, чтоб был мой суженый
Умен, красив и крут,
Пусть девки незамужние
От зависти помрут.

Лунный сад

Снова в окнах качается
Вечер призрачный.
Он спасет от отчаянья,
Сердце вылечит.
Закружит тень по комнате,
О тебе вновь напомнит мне,
Звук шагов, нотки голоса
Снова вспомню все.

Лунный сад венчальный
В каплях ландышей,
Сколько снов случайных
Ты подаришь мне.

Снова гостем непрошеным
В память грешную —
Наше давнее прошлое,
Время нежное.
Запах ландыша майского,
Обруч рук твоих ласковых,
А теперь мы два полюса,
Ты забыл про все.

Синица

Сам себя не понимаешь,
Сам с собою не в ладу,
Ты мечтаешь, что поймаешь
В небе птицу на лету.

Где-то тает птичья стая
И скрывается вдали,
Но к тебе не прилетают,
Мой любимый, журавли.

Я в руках твоих синица,
Отпускай – не улечу,
Становиться важной птицей
Абсолютно не хочу.

Я могла бы в небо взвиться,
Скрыться в белых облаках,
Но хочу простой синицей
Тихо жить в твоих руках.

Солнце в сторону заката,
А ему навстречу ночь,
Я, наверно, виновата —
Не могу тебе помочь.

Ты смиришь с судьбой такую,
В жизни каждому – свое,
Мы и так вдвоем с тобою
Наше гнездышко соведем.

Отель «Шератон»

Была молодой и зеленой,
И сытой бывала не слишком.
О «Хилтонах» и «Шератонах»
Читала в заманчивых книжках.
А лучшей едою считала
Котлеты, а к ним макароны.
И даже во сне не мечтала
О «Хилтонах» и «Шератонах».

Отель «Шератон», лакей откроет двери.
Отель «Шератон», сама себе не верю.
Отель «Шератон», подхватит чемоданы.
Отель «Шератон», неведомые страны.

Ведет меня в горку кривая,
В Парижах бываю и в Боннах.
И запросто там проживаю
И в «Хилтонах», и в «Шератонах».
По белому свету летаю
За йены, за марки, за кроны,
Но лучшей едою считаю
Котлеты, а к ним макароны!

Время

Видишь, стрелки мчатся к утру,
Значит, мне пора уходить.
Мы с тобой играли в игру,
Но никто не смог победить.

Время очень строгий судья,
На часы с тоской не смотри.
Не смогли ни ты и ни я
Знать всех правил странной игры.

Слышишь, плачет ветер в трубе,
Будто кто обидел его.
Может быть, напрасно тебе
Я не обещал ничего.

Отведи заплаканный взгляд,
Сигаретку дай докурить.
Время не вернется назад,
Так зачем о нем говорить.

Серым легким облаком дым
Уплывает под потолок.
Может быть, мы слишком спешим
Подвести печальный итог.

Может быть, тебе или мне
Кто-нибудь сумеет помочь...
Видишь, тают звезды в окне,
Завершая долгую ночь.

Посланник добра

Это было давно, а быть может, вчера.
Жил на свете небесный посланник добра.
И неспешным движеньем точил он перо,
Разжигал золотистое пламя свечи.
И пером по бумаге водило добро,
И волшебные сказки рождались в ночи.
Всем, кто есть на земле, он придумывал роль:
Потешая народ, топал голый король,
От любви оловянный солдатик сгорал.
И к Дюймовочке эльф в дивный сад прилетал.
А принцесса крутилась всю ночь напролет —
Под матрацем горошина спать не дает,
Белый лебедь кружил, гордо крылья раскрыв,
И о том, что был гадким утенком, забыв.
А Снежная королева надменно-злая
В лед превратила сердечко Кая,
Но в добрых сказках счастливый конец,
И тают льдышки застывших сердец.
Так что зря беспокоится
Маленькая разбойница —
Волшебница добрая явится
И с дамою снежной справится.
Огниво пылает в руках у солдата,
У бедной русалочки сердце замрет,

А сказочник Ганс подмигнет хитровато,
Пером проведет и кого-то спасет.
Ах, Ганс Христиан, что за чудо такое,
Еще не умея читать и писать,
Уже мы все знаем про Оле Лукойе,
И с Гердой готовы мы Кая спасти.
Давно на планете другие столетья,
Но, сколько ни будет кружиться Земля,
Все так же читают всем детям на свете
Про новое платье того короля,
Все так же читают мальчишкам, девчонкам
Про гордого лебедя с гадким утенком,
Про даму с холодным заснеженным взглядом,
И кажется, Андерсен, ты где-то рядом,
Волшебные буквы выводит перо,
И в сказках всегда побеждает добро.

Сонет

Растерян Гамлет – в Датском королевстве
На троне зло, интриги и борьба.
И как же жить на этом свете, если
Так вероломна к Гамлету судьба?

Но вот на сцене, весь исполнен страсти,
Высоцкий-Гамлет, рвется связь времен.
Он предан, жизнь расколота на части,
Но на вопрос ответ находит он.

Конечно, быть, любить, впадать в сомненья,
Наперекор кипящим волнам плыть.
И, перейдя в другие измерения,
Остаться с нами. Вечно рядом быть.

Шекспир, скажите, правда ли всерьез
Вы этот странный задали вопрос?

Олеша

Во дворах арбатских август загулял,
Потихоньку удлиняя ночи...
Девочке арбатской как-то я сказал:
– Ольга, будет все, как ты захочешь.

А жизнь наша – зебра, в полоску она,
За белой полоскою – темная.
Но ты, моя зебра, такая одна,
Что темных полосок не помню я.
И снова гуляет в арбатских дворах
Твой август, чуть-чуть повзрослевший.
Он – жизни твоей золотая пора,
Олеша, Олеша, Олеша.

На тебя молиться, как на образа,
Небесами я уполномочен,
Потому что, помнишь, я тебе сказал:
– Ольга, будет все, как ты захочешь.

В августовском небе тает стрекоза,
Как ее полет красив и точен.
Не жалел ни разу, что тебе сказал:
– Ольга, будет все, как ты захочешь.

Оленька, Олеша, времечко идет,
На гору дорожка все короче.
Но, как обещал я, так произойдет:
Ольга, будет все, как ты захочешь!

Петр I

Мужики, стригите бороды!
Мы сидели до поры.
На постройку чудо-города
Доставайте топоры.
Царь великий Петр Первый
Щекотал народу нервы.
Лихо черный ус закручивал —
Мол, старайтесь, все получится.
Все сумеем, все осилим,
Станет Первою Россия.
И от огненного взгляда
Трепетал вокруг народ —
Царь велели, значит, надо.
Создадим российский флот.
Сложит пальцы мужичонка,
Даст по горлу щелобанчик,
И, пожалуйста, водчонка —
Забирайте свой стаканчик.
Кто не выполнить посмеет
Хоть один приказ царя,
Ой, поплачет, пожалеет.
Мол, не слушался, а зря.
Ради дел, а не проформы
Петр творил свои реформы.

Для России, не для славы
Бил он шведов под Полтавой.
Двухметровый, жарколикий
Петр Великий!

Венецианская серенада

Летели звезды и качали ветки сада,
И был полет их похож на танец.
Пел этой ночью под балконом серенаду
Венецианке венецианец.

Ему прелестница лица не открывала,
Внимая звукам в красивой маске.
И вся Венеция в одеждах карнавала
Была фрагментом волшебной сказки.

Века застыли в очертаниях каналов,
Где гондольеры гондолы гнали.
И кантилена над Венецией звучала,
Венецианки всю ночь не спали.

И как уснуть, когда чарует ночь-колдунья,
А воздух страстью любовной дышит,
И, будоража кровь, горячий ветер дует
Над островерхой старинной крышей.

Пусть серенада не смолкает под балконом
И что-то в сердце девчонки дрогнет,
Она амоге в темноте прошепчет сонно
И перестанет быть с милым строгой...

Любовь безответная

Город у моря,
Плещутся волны,
Ночи короткие, летние.
Может, потом ты
Даже не вспомнишь
Эту любовь безответную.

На твоей ладони горячий песок,
Ты ничего понять в это лето не смог,
А я в тебя влюбилась,
Любовь закатилась
За небо рассветное.
Лето пролетело, его не вернешь,
Цена воспоминаньям – лишь ломаный грош,
И в городе том южном
Была тебе ненужной
Любовь безответная.

В осень уедешь,
Зонтик раскроешь,
Время растает бесследное.
Может, потом ты
Даже не вспомнишь
Эту любовь безответную.

Пьеро и Арлекин

Печаль Пьеро светла,
Он любит Коломбину,
Но сердце отдала
Девчонка Арлекину.
По белизне щеки
Текут беззвучно слезы.
Летит флюид тоски
От этой скорбной позы.
А Арлекин смеется
Над всем происходящим.
Ему все удается,
Он рыцарь настоящий.
И, ветреная кукла,
Ликует Коломбина,
Известна ей наука,
Как приручить мужчину.
Женщины – коварные устройства,
Из-за них всегда одни расстройства.

Да, все мы печальны порой
И счастливы вдруг без причины.
Ведь все мы немножко Пьеро,
Ведь все мы чуть-чуть Арлекины.

Ах, маэстро!

Звезд рассыпанных брильянты
Небо темное раскрасят.
И приснятся музыканту
Звуки музыки прекрасной.

Пальцы клавишей коснутся,
Вздоргнув, клавиши проснутся,
И откликнутся оркестры
Вам, маэстро! Вам, маэстро!

Маэстро, ах, маэстро!
Все ноты в вашей власти!
Маэстро, ах, маэстро!
Вы не жалейте страсти!
Вы сердца не щадите,
Вы тратьте щедро душу,
И музыка родится,
И в небесах закружит!

Ваш ночной покой нарушив,
Муза к вам войдет неслышно,
На любовь настроит душу,
Ноту главную отыщет.

И подхватят эту ноту
Флейты, скрипки и фаготы.
Вам подарит вдохновенье
Это чудное мгновенье.

Место под солнцем

Всем на земле хватит места под солнцем,
Каждый найдет, что ему суждено.
Кто не найдет, тем смириться придется —
Солнце на всех одно.

Что ждет нас завтра, мы точно не знаем, —
Сладостный миг или горестный час.
Просто мы волю небес исполняем,
Все решено за нас.

Сердце греет весна, разрывая бутоны и почки,
Душу осенью студит дождливый унылый мотив.
А судьба расставляет порой неожиданно точки,
Где поставить – решает сама, никого не спросив.

Книгу судьбы мы листаем поспешно,
Хочется знать, что там дальше нас ждет.
Что в ней написано, то неизбежно
С каждым произойдет.

Дни пролетают со скоростью света,
Так что попробуй, в седле удержишься.
Все мы лишь гости на празднике этом,
С тихим названьем – жизнь.

Новый бойфренд

Мне все надоело —
Привычные лица,
Достали тусовки в угаре густом.
Но встретился ты,
Не успевший побриться,
В прикольном прикиде,
Таком непростом.

Мой новый бойфренд,
Очень классный бойфренд,
Хочу провести я с тобою викэнд.
С тобою уснуть
И проснуться с тобой,
Мой новый бойфренд,
Сладкий мой супербой!

Куда ж ты исчез?
Твой мобильник в отключке,
А я так хочу оторваться с тобой.
Мой новый бойфренд,
Ты всех бывших покруче,
Пришли мне сигнал,
Сладкий мой супербой!

Хочу! Хочу! Хочу!

Днем и ночью стрелки вертятся
Круг за кругом, день за днем,
Чтоб на миг однажды встретиться
И чтоб вечно быть вдвоем.
Жизнь, конечно, штука сложная,
Я по кругу белкой мчу,
И, наверно, невозможного
Я хочу, хочу, хочу!

На окне узоров кружево
Нарисуют холода,
Может быть, не будет нужно нам
Расставаться никогда.
Имена и знак сложения
На стекле я начерчу,
И, чтоб ты принял решение,
Я хочу, хочу, хочу!

Тихо звезды ночь таежная
Осыпает в Новый год,
И, возможно, невозможное
В эту ночь произойдет.
Я, как в детстве, заклинание,
В небо глядя, прошепчу —

Чтоб исполнились желания,
Я хочу, хочу, хочу!

Овен

Ты – прекрасная дама,
Я – заметный мужчина,
Мог бы быть между нами
Очень бурный роман.
И сердечная драма,
И разрыв беспричинный,
И безумная тайна,
И коварный обман.

Быть могло совсем не так,
Может быть, во всем виновен
Наш небесный зодиак
И весенний хитрый Овен.
Может, так среди весны
Встали звезды на орбите.
Мы друг в друга влюблены
И на небо не в обиде.

Я люблю тебя страстно
И любви не скрываю,
Твои нежные губы
Я целую при всех.
В книгах связью опасной
Это все называют,

Только нас не погубит
Этот сладкий наш грех.

Мы с тобой снова вместе,
Я тобой очарован,
Я люблю твои плечи
И сияние глаз.

А в ночном поднебесье
Разгорается Овен,
А над ним кто-то вечный
Все решает за нас.

Говорят, под Новый год...

Я расскажу вам небыль,
Совсем как быль точь-в-точь.
В одном и том же небе
В одну и ту же ночь
Из тучи месяц вышел
Светить на тишину,
А над соседней крышей
Увидел он луну.

Не может быть, не может,
На правду не похоже —
На это кто-то все же
Мне будет возражать.
Чьей жизни колесница
Без чуда вдаль умчится,
И чудо не приснится,
Того мне, право, жаль.

Под кистью живописца
Картина ожила,
На ветках пели птицы,
И снег зима мела.
Бутоны распустили
Под снегом лепестки,

А люди вдруг простили
Друг другу все долги.

Но не было б у были
Красивого конца,
Когда б не полюбили
Друг друга все сердца.
Водили звезды в небе
Свой звездный хоровод.
Случилась быль, как небыль,
Как раз под Новый год.

Позади печали

Хочешь, мы с тобой уплыдем
В голубые дали.
Хочешь, мы с собой не возьмем
Беды и печали.

Белый пароход прогудит,
Медленно отчалит.
Радости у нас впереди,
Позади печали.

Хочешь, мы с тобой улетим
К птицам в поднебесье.
Вместе будем слушать в пути
Звуки птичьих песен.

Пролетим снега и дожди,
Солнце повстречаем.
Радости у нас впереди,
Позади печали.

Хочешь, никуда не пойдём,
Телевизор включим.
Пусть плывут за нашим окном
В синем небе тучи.

Другу позвоним: – Заходи,
Вместе выпьем чаю.
Радости у нас впереди.
Позади печали.

Вернулась грусть

Снег весенний, потемневший —
Солнце к снегу прикоснулось.
Все казалось отболевшим.
Но вернулась боль, вернулась.

Мы с тобой уже не в ссоре,
Нет ни встреч и ни прощаний.
В город маленький у моря
Прилетит воспоминанье.

Не в сезон – в начале марта
Я приду на пляж забытый,
Прошлогодние приметы
Я у моря поищу —
Прошлогодние свиданья,
Прошлогодние надежды,
Прошлогодние печали
Вспоминаю и грущу.

Зимовала, горевала,
Приучила сердце к грусти,
Но не думала, не знала,
Что вернется, не отпустит.

Здесь, у моря, вспоминаю
Про прошедшее тепло
И с надеждой понимаю,
Что не все еще прошло.

Такая карта мне легла

Я так часто была не права
И не те говорила слова,
Я бывала не там и не тем,
Я запуталась в море проблем.
За свои я платила грехи,
Уходили к другим женихи.
Я ходила к гадалке, она
Мне сказала: «Ты будешь одна».

Такая карта мне легла,
Такая доля выпала,
Я так хотела стать другой,
Да, видно, не могу.
Я по течению не плыла,
Но все ж на берег выплыла,
И ты меня, любимый, ждал
На этом берегу.

Я в твоих растворяюсь глазах,
Я боюсь оглянуться назад,
Заметаю я в прошлое след,
Где проснусь – а тебя рядом нет.
Ты не спрашивай, с кем я была,
Я тебя и с другими ждала,

И когда я была не одна,
Я тебе оставалась верна.

Случайная связь

В той компании случайной
Были мы немного пьяны
И, от всех закрывшись в ванной,
Целовались долго, тайно.

А потом так получилось,
Что любви гремучим ядом
Мы с тобою отравились
И проснулись утром рядом.

Случайные связи
Обычно непрочны,
Случайные связи
Обычно на раз.
А нас этой ночью,
Случайною ночью
Связала навечно
Случайная связь.

Без обид и обещаний,
Без вопросов и ответов
Просто рядом мы лежали
В бликах позднего рассвета.
Без упреков и без фальши,

Все забыв о жизни прежней.
А что будет с нами дальше,
Знал лишь ангел пролетевший.

Доченька

У тебя для грусти нет причины,
В зеркала так часто не глядись.
Замирают вслед тебе мужчины,
Если мне не веришь – обернись.

А ты опять вздыхаешь,
В глазах печаль тая.
Какая ты смешная,
Доченька моя,
Как будто что-то знаешь,
Чего не знаю я.
Какая ж молодая ты еще,
Доченька моя.

Мы с тобой уедем к морю летом,
В город, где магнолии в цвету.
Я открою все свои секреты,
Все твои печали отведу.

А ты опять вздыхаешь,
В глазах печаль тая.
Какая ты смешная,
Доченька моя,
Как будто что-то знаешь,

Чего не знаю я.
Какая ж молодая ты еще,
Доченька моя.

Посмотри на линии ладони,
Все поймешь, гадалок не зови.
Это ангел, нам не посторонний,
Прочертил там линию любви.

Не надо, ой, не надо

Все мне казалось сном —
Сумерки за окном,
Важность негромких фраз
И нежность глаз.

В дом свой ты не спешил,
Будто бы все решил.
Но опоздал чуть-чуть —
Был долог путь.

Не надо, ой, не надо
Твоих горячих взглядов.
Нам не вернуть обратно
Тех дней невероятных.
Не надо, ой, не надо.
Я и сама не рада,
Что жаркий взгляд любила
И обожглась, мой милый.

Помнишь, как в прежних днях
Ты обижал меня?
Ты на часы смотрел,
А взглядом грел.

Ты не спешил прийти,
И разошлись пути.
Больно чуть-чуть, ну что ж,
Меня поймаешь.

Сбудется – не сбудется

Рассказы о любви

История первая

Примерка

Я учусь на учительницу. Впереди практика и диплом. А пока лето и пионерский лагерь. Я – вожатая. Вырабатываю педагогические навыки. Когда мой отряд идет купаться, я по дороге рассказываю детям придуманные мной страшные истории и, оборвав рассказ на самом интересном, запускаю своих обалдуев в воду. Это очень хитрый прием врожденного Макаренко – ведь вытащить двенадцатилетних оболтусов из воды, подув в металлический свисток, невозможно. Свистка просто не слышно за их визгом. А я, хитрая, что делаю? Я отлавливаю кого-нибудь одного минут через двадцать и тихим голосом начинаю рассказывать продолжение своего детектива, оборванного на самом интересном. И через 10 секунд вся мокрая компания лежит вокруг меня на травке и внимательно слушает.

Однажды навестить одного из моих мальчишек приехал отец. Он отпросил сына на прогулку и привел его к тихому часу. Но, поцеловав сыночка на прощание, папаша не уехал,

а остался поболтать со мной. Весь разговор состоял из намеков и предложений. От перегрузки эмоциями мое сердце ухнуло в какую-то бездну, и я поняла, что начинается роман.

Павел Венедиктович – так красиво звали папашу – был не очень молод, не очень красив, но почему-то притягивал меня, как сто магнитов одновременно. Павел рассказал, что он музыкант – дудит уже лет двадцать в каком-то известном оркестре. Он назвал себя – духовик. Вместе с оркестром Павел исколесил весь земной шар, а сейчас притормозил в Испании, подписав там контракт на несколько лет. Сейчас там его ждет жена с маленьким сыном, а старший сын – как раз мой подопечный – живет в Москве с бабушкой и ходит в московскую школу. А на лето бабуля отправила мальчика в лагерь, чтобы немного от него отдохнуть.

Я заметила, что Павел время от времени рассматривает свои ногти, сгибая и разгибая пальцы. Это о чем-то должно было говорить, но тогда я еще не имела жизненного опыта и что это означает, не знала.

Прощаясь со мной, Павел, конечно, задержал мою руку в своей и, отпуская, попросил не лишать его надежды увидеть меня в Москве, когда закончится лагерная смена. А я и сама уже хотела этого, наверное, в тысячу раз больше, чем он.

В лагерь я поехала работать не только как будущий педагог. Была причина поважнее. Мне просто нужно было срочно вырваться из плена моей труднообъяснимой жизни. Я была

замужем, и мое замужество можно было четко определить словами одной известной песенки:

Повстречались как-то раз
Эскимос и папуас.

Милый и наивный эскимос – это я. А кровожадный людоед-папуас – это он. На редкость не подходящая друг другу парочка. Папуас уже третий год пил мою кровь, не давая жить и водиться с моим эскимосским народом. И я решила вырваться из папуасского плена. Повод нарисовался подходящий – уезжаю работать в пионерский лагерь для педагогической практики. А где этот лагерь находится, людоеду не сказала. А сама всю смену репетировала, как вернусь уже свободной.

И тут – ура! Появился Павел! Лекарство от любви – новая любовь!

Ничего, что Павел женат, – я же не собираюсь его из семьи уводить. Просто он мне очень нужен, чтобы бесповоротно забыть моего папуаса.

В оставшиеся дни я подружилась с Аликом – сынишкой Павла и выпытывала у него всякие подробности о его папе и маме, и Алик с удовольствием выбалтывал мне всякие семейные секреты.

Лето кончилось, я вернулась в Москву, поселилась у по-

дружки и вышла на работу в свой НИИ – я там работала машинисткой, пока училась в институте.

Конечно, первым делом я всем в машбюро рассказала про Павла, половину напридумав в свою пользу. Все машбюро, знавшее про кровопийцу, за меня пораздовалось.

Дня через три наша секретарша Ирка торжественно позвала меня к телефону. По выражению ее лица я поняла, что звонит Он.

Голос Павла звучал взволнованно, он называл меня на Вы и говорил, что скучал, и считал дни, и не смогу ли я поужинать с ним в «Метрополе» завтра вечером?

Я ждала его звонка и обещала сама себе вести себя умно и загадочно, сдаваться не сразу, одним словом, вскружить мужику голову или вообще сделать так, чтоб он эту голову потерял.

Но вместо всего этого я завопила: «Да, да, и я скучала, и ждала, и смогу – да, завтра, в семь, у «Метрополя»!

Все машбюро замерло в восторге, а потом отмерло, и мы начали обсуждать – в чем я пойду? И правда, ничего у меня для такого похода из одежды не было. В лагере-то хорошо – шорты, майка – и я лучше всех. То-то Павел балдел: «Дорогая, – (это я – дорогая) – какие у вас красивые ступни!» А сейчас уже сентябрь, в шортах в ресторан не пойдешь, а мою юбку сколько ни гладь, все равно – как новая она выглядеть не будет. А свитерок, моя гордость, – я сама связала его, распустив на пряжу полушерстяное одеяло, – годился только

для выхода на субботник.

Все мои девчонки из машбюро готовы были снять с себя все и дать мне напрокат, но предложенные сокровища имели примерно такую же ценность, как мои собственные.

И тут одна из них, Виолетта, вдруг придумала, умница, классный выход из положения – пойти в ближайший комиссионный магазин, выбрать там самое дорогое и красивое платье, заплатить за него – денег наберем, все девчонки скинутся. Надеть его на встречу с Павлом, а ярлык не снимать, и вообще носить его очень аккуратно. А на другой день принести платье обратно в комиссионку – дескать, дома еще раз примерила, и оно оказалось велико. А в течение трех дней покупки можно возвращать. Вот и вернем, а деньги снова раздадим девчонкам.

А если роман с Павлом будет продолжаться, то все это можно проделывать каждый раз – комиссионок в Москве много.

Любезная продавщица выбрала мне три наряда. И в каждом из них я отражалась в зеркалах, похожей на голливудскую кинозвезду.

Голубое кримпленовое платье с золотыми пуговицами мне очень шло, и, пока я дотопала до «Метрополя», на меня глазели всевозможные дядьки разных возрастов.

Павел стоял с орхидеей в руках. Я первый раз в жизни

видела такой цветок, и что это орхидея, мне объяснил Павел. На кончике цветка была какая-то пипетка с водой, и Павел сказал, что это специально, чтобы цветок не завял, и что он выбрал эту экзотическую прекрасную орхидею потому, что она похожа на меня – нежная, загадочная, необъяснимая.

В таком роскошном ресторане я была впервые. Меню в руки я брать не стала, потому что не хотела, чтобы Павел видел мои короткие машинисткинские ногти. Я поэтому же и не курила – чтоб никто не видел ногтей.

Павел читал названия блюд медленно, как будто дегустировал каждое. Я поняла из названий только два – котлета по-киевски и блины с икрой. Мне, конечно, хотелось котлету, но Виолетта, та самая, умная, предупредила – смотри, киевскую не заказывай. В ней внутри масло, и ты можешь обрызгать платье, и тогда его назад не примут.

Я заказала блины с икрой и мороженое. Мы пили шампанское, на тарелке Павла остывал шашлык, а он смотрел на меня, не откусив ни кусочка. Потом мы танцевали, и я поняла, что, если мы сейчас же не окажемся с ним наедине, Павел просто взорвется и разлетится на кусочки.

В такси Павел целовал мои пальцы с короткими обгрызанными ногтями и шептал: «Дорогая, никогда прежде я не бывал так счастлив!»

Потом, устав от страсти, мы пили на кухне кофе, и я пла-

вилась от нежности к моему новому возлюбленному. Если бы сейчас открылась дверь и вошел папуас, я бы даже не испугалась, а может быть, вообще его бы не узнала.

После кофе Павел предложил мне посмотреть его квартиру, извинившись, что она слегка запущена, так как в ней уже год никто не живет. Ничего себе запущена! Если бы мое машбюро оказалось здесь, все решили бы, что пришли в музей.

Павел, как экскурсовод, показывал мне разные вещички – это малахитовый слоник из Индии, эта вазочка из Китая, а это – так, мелочь, – люстра из розовых ракушек из Таиланда.

Всего было много, у каждой штучки была своя история.

Стены одной из комнат были зеркальными, и я не сразу поняла, что это шкафы. Павел отодвинул одну панель, и я увидела, что шкаф битком набит вещами. А Павел стал снимать одно за другим с вешалок платья и рассказывать мне, где он покупал их для жены. При этом он называл какие-то фирмы, надеясь произвести этим особенное впечатление. Павел увлекся. Прикладывал платья к моей фигуре. Говорил: «Дорогая, хочешь, примерь. Тебе должно пойти».

Перья, блестки, шуршащий шелк, мягкая шерсть. Ну прямо чистая коммиссионка, только на дому, где я превращалась из Золушки в принцессу.

Я смотрела, а сама боялась, что Павел услышит, как предательски громко бьется мое сердце. Ну он же взрослый, он же умный. Зачем он все это показывает? Неужели не видит,

не понимает, что обижает меня, рассыпает в пыль только что построенный мной воздушный замок, где я не эскимос, а прекрасная принцесса в бесподобном кримпленовом платье?

Дальше открылись еще дверцы: «Смотри, смотри – это туфли Стеллы. – Павел впервые произнес имя жены. – А это – ее украшения, косметика. Стелла любит все красивое и дорогое. Шубы я, к сожалению, показать не смогу – Стелла их наглухо зашила в простыни, чтобы моль не съела»

В это время зазвонил телефон, Павел схватил трубку и показал мне знаками, чтоб я не произносила ни звука и не шевелилась.

Звонила жена, и Павел называл ее ежиком и говорил, что тоже соскучился, но раньше, чем через десять дней, вернуться не сможет, так как у него какие-то переговоры в Министерстве культуры.

Видно, Стелла что-то спросила по поводу его верности, потому что Павел сказал: «Ты моя единственная, любимая, и никто, кроме тебя, мне не нужен».

Потом, как полагается, – целую, люблю и все такое, что в таких случаях говорят.

Положив трубку, Павел подошел ко мне, обнял, прижал к себе, сказал: «Не сердись, Стелла очень ревнивая, и я не мог всего этого ей не сказать».

Ночь уже плавно катилась к рассвету, Павел заснул, а я

лежала и ненавидела себя – золушку несчастную. И Павла ненавидела – тоже, выходит, людоед, только из другого племени.

Будильник зазвонил в восемь. Павел пошел умываться, бриться, потом он пожарил яичницу и сварил кофе. Я валялась в постели. Павел заглянул в спальню: «Ежик, вставай!»

Что ж выходит – я тоже Ежик? Не много ли ежиков на одного людоеда?

Я продолжала лежать. Павел снова заглянул: «Дорогая, ну что же ты? Кофе остывает».

А я ему: «Пашенька, не волнуйся, я потом себе подогрею. Я еще поваляюсь, у меня сегодня отгул и можно спать, сколько хочешь».

Павел ошалел от этих слов: «Давай, давай, вставай. Мало ли что отгул! Мне к десяти в министерство».

А я: «Ну и иди, не волнуйся. Я потом, когда буду уходить, дверь захлопну».

Павел этой самой дверью хлопнул так, что люстра из розовых ракушек из Таиланда чуть не рассыпалась.

Через час Павел позвонил из министерства. «Ты еще спишь? Нет? А что делаешь?»

И я веселым голосом стала говорить:

– Ой, Пашенька! Я тут меряю платья твоей жены, у нас

что, фигуры одинаковые? И размер обуви? Мне все так идет! Только, Пашунь, не сердись, когда я надевала серое платье, ну такое открытое, блестящее, до пола, ты еще сказал, что купил его в Париже, то, представляешь, случайно зацепила подол каблуком серебряных туфель и чуть не упала. Но, слава богу, устояла. Только подол порвался. Еще – почему бусы из зеленых камешков были на такой тонкой нитке? Порвались и рассыпались и я уже их полчаса собираю!

В трубке раздался такой звук, что я даже не сразу поняла, что это голос Павла. Наверное, этот голос Павел взял напрокат у своего духового инструмента:

– Послушай, сука! Дрянь! Плебейка! Положи все на место и вон из моей квартиры. Катись на свою помойку, крыса, ешь там объедки! И если хоть одна вещь пропадет, я тебя уничтожу. Ты меня слышишь?

– Слышу, Павел! А теперь вы послушайте, что я скажу! Я сказала неправду! Ничего в вашем доме я не трогала, просто мне хотелось, чтобы вы, Павел, поняли, что нельзя унижать людей! Кем бы эти люди ни были! Никакого отгула у меня нет и сейчас я ухожу на работу. Дверь аккуратно закрою. А вы, Павел, живите дальше так же прекрасно; но только помните, что я не плебейка, а гордый человек! И ничего вашего мне не нужно! И на столике в кухне я оставлю деньги за блины и мороженое. А за шампанское отдать мне сейчас не хватит. Да, впрочем, я его и не заказывала.

Я положила трубку, а потом еще раз сняла, набрала знако-

мый номер, услышала голос своего папуаса и сказала: «Толлик, это я. Откуда, откуда – не скажу. Через час буду. Жди».

На работу в этот день я так и не пошла. Да, самое главное, – девчонки из машбюро сказали, чтоб я платье голубое кримпленовое с золотыми пуговицами в комиссионку не возвращала, потому что оно мне очень идет. А деньги? Да ладно, когда-нибудь отдашь.

История вторая

Безнадежная Надежда

Девятнадцати лет от роду Надя обожглась на молоке. Молоком был Витька, за которого она вышла замуж. Ожог об Витьку был очень сильным – как врачи говорят, третьей степени. Больно-пребольно. И заживает очень долго. А когда зажило, Надежда решила, что теперь будет дуть на воду. И к моменту моего с ней знакомства она дула уже десятый год, решив раз и навсегда, что мужикам верить нельзя.

Бывало, что такая предосторожность помогала, а бывало, и нет.

Жизнь уже поддвигала Надю к цифре тридцать, а в этом возрасте паспорт без штампа о регистрации брака – печальный документ. Но Надя не печалилась, а наоборот, гордилась, что она птица вольная, гордая и независимая. Гнездо свое у птицы было, причем очень симпатичное. И конечно, время от времени туда залетали всякие перелетные птицы.

Работала Надежда чертежницей в конструкторском бюро да еще подрабатывала, помогая что-то чертить студентам-дипломникам. Клиентурой ее обеспечивал муж двоюродной сестры, преподаватель какого-то технического института. Так что нужды особенной у Надежды не было, тем более что очень большой транжиркой она не была. Однажды Надя даже смогла скопить денег и съездить с подругой в Гре-

цию. Туда в январе путевки стоят совсем недорого. И шубы там дешевые – подруга себе купила, а Надя нет – куда ходить-то?

Про таких, как Надя, говорят – хорошенькая. И правда, на нее всегда было радостно смотреть – не толстая, не худая, не верзила, не коротышка, все в норме и на месте. И всегда улыбается. Характер такой – улыбчивый. И зубы белые-белые, ровные. Никогда не скажешь, что два передних зуба – вставленные. Взамен тех, которые Витька выбил. Это тогда же, когда сломал ей ногой два ребра. Ребра срослись, зубы доктор вставил новые, и что же Наде не улыбаться? Улыбается себе и дует, дует на воду – осторожно живет.

А мужики от Нади балдеют – нравится она им. А Надя свои глазищи серые невинные тарашит, как школьница, а потом вдруг – раз, и темнеют глаза, и уже глядит на вас грешница-блудница.

В то лето нашего знакомства Надежда разбогатела – отнесла денежки в какой-то банк-пирамиду. Пирамида потом рухнула, но Надя успела невеликий свой капитал увеличить втрое и вовремя выхватить его из рушащейся пирамиды. На все деньги Надежда купила путевку в круиз по Средиземному морю. В одноместную каюту. Правда, в трюме, без окна и около машинного отделения. Ну и что? В каюте же только спать, а все остальное время – сиди себе на палубе да разглядывай разные страны.

Я выходила на палубу рано – привыкла много лет вставать на работу, – но всегда была второй. А первой была Надежда. Придет раньше всех, шезлонг займет и сидит загорает. В это время и солнышко не такое уж жгучее. Однажды она вообще в шезлонге заночевала. А капитан поздно вечером шел из рубки и Надю на палубе заметил. И сел к ней. Они даже целовались. Но к себе в каюту капитан Надю не позвал, сказал – там жена спит. А так Надя бы пошла. А чего? Капитан симпатичный, в белом кителе. Таких у нее еще не было.

Все это мне Надежда рассказала сама, потому что через три дня совместного утреннего загорания мы уже были подругами. Я – старшей, она – младшей.

Путешествовали мы долго. Дней двадцать. И рассказать Надя успела многое, вернее, про многих. Сначала, как вы уже поняли, коротко – про Витьку, а потом про остальных, по порядку.

* * *

Военная форма очень шла Андрею. Такой мужественный. А глаза грустные. Подошел к ней в метро, попросил разрешения проводить немного. И голос тоже был грустным, как глаза.

Андрей рассказал, что он – летчик-испытатель и завтра должен вылетать на очередное задание. А задание очень опасное. И он не знает, останется ли жив. И он загадал, что

если встретит в метро симпатичную девушку и она не прогонит его, то он выживет.

И Надя не прогнала. А утром, провожая Андрея на задание, перекрестила, хоть и не была особенно верующей. Андрей сказал, что, если останется жив, вернется через два дня и сделает ее, Надежду, самой счастливой женщиной на свете. И ушел.

Надежда ждала, присматриваясь к небу, – как там самолеты? Может, в одном из них летит ее отважный летчик-испытатель Андрюха.

Андрей не вернулся. Надя плакала, даже в церковь сходила – поставить свечку за упокой его души.

– Надо же, как бывает, – думала она. – И знакомы-то были всего-ничего, а как в душу запал! Герой! Болит душа, да и все. Уже три месяца не проходит.

Как-то вечером Надя, как обычно, ждала поезд в метро, народу было немного, и она услышала какой-то знакомый голос, произносивший слова, от которых оборвалась Надина, еще не отболевшая, душа. Вот что это были за слова: ...понимаете, задание опасное, не знаю, останусь ли жив...

Надя обернулась. У колонны стоял целый-невредимый Андрей и грустно смотрел на милостивую девушку. Он продолжал: – ...и я загадал...

Андрей играл свою заученную роль, как заправский артист. Надя подошла поближе, чтоб Андрей увидел ее. И он

увидел. И не узнал.

Больше Надя не плакала. Наоборот, велела себе радоваться – хорошо, что так обошлось, а ведь мог квартиру обчистить. Где он только форму летную взял, маньяк несчастный?..

* * *

Наш пароход плыл по спокойному морю, но однажды начался сильнейший шторм, судно бросало из стороны в сторону. У многих началась морская болезнь. У меня тоже. Я лежала пластом в своей каюте. Как только я поднимала голову от подушки, все, что я в круизе съела, давало о себе знать. Как нарочно, именно в этот день у меня должен был состояться концерт. Именно за этот концерт меня с мужем пригласили в этот круиз – плавай, пей, ешь – все бесплатно. Только концерт, и все. Но шторм усиливался с каждой минутой и я чувствовала, что концерт придется отменить.

Муж стал говорить, что я обязана встать и отработать, и не подвести организаторов круиза. Я вообще не из тех, кто подводит, но похоже, я все-таки выступить не смогу.

Муж рассердился и ушел куда-то – он морской болезни подвержен не был.

Вдруг по громкой связи парохода я услышала веселый голос кого-то из руководителей круиза, который сообщал, что получена радиограмма от самого покровителя морей и оке-

анов Нептуна, в которой говорится, что скоро шторм закончится, и мы выйдем в спокойное море.

И через некоторое время этот же голос объявил, что шторм, как и обещал Нептун, кончился. И волнение моря не больше одного балла.

Я посмотрела на часы – концерт ровно через час. Ура! Я никого не подведу.

Оделась, накружилась, иду в кают-компанию. Уже все пассажиры в сборе. Концерт прошел замечательно – я читала стихи, рассказывала всякие истории, мы все вместе пели. Правда, мне казалось, что еще немного покачивает, но муж объяснил, что это остаточные явления после шторма.

Наутро наш пароход держал курс на Францию. Я вышла на палубу, где уже меня ждала Надя. Вместо того чтобы похвалить меня, как я вчера хорошо выступала, Надя похвалила моего мужа – какой он молодец! Я не поняла – а в чем он-то молодец? Выступала же я!

И Надя, смеясь, рассказала мне, что на самом деле шторм вчера не кончился, но мой муж – хитрец-молодец – попросил руководство круиза объявить, что море успокоилось. Он хорошо знает мою психику и сказал, что, если так объявят, я поверю, а заодно и пассажиры поверят и успокоятся. И концерт состоится. Так оно и получилось.

Во Франции Надя на берег не сошла. Она сказала мне, что

ей нездоровится. Но я догадывалась об истинной причине – у Нади нет денег, а во Франции много соблазнов. Вернее, немного денег есть, но Надежда бережет их на Стамбул – купить дубленку. И боится их потратить раньше времени.

А на следующее утро пароход уже шел дальше по курсу, а мы с Надей опять сидели на палубе, и она продолжала свой рассказ...

* * *

Следующим у Надежды появился Валерик. Вернее, он появился не у нее, а у ее подружки Ленки. Ленка с ним в Парке культуры познакомилась, когда сидела на лавочке и читала книгу, Валерик подошел и поинтересовался, что девушка читает.

В тот же вечер Ленка сдалась высокому черноглазому физик-ядерщику Валерию. Он работал на синхрофазотроне в каком-то очень засекреченном научном центре. Физик любил поэзию, читал наизусть стихи Брюсова. Он говорил про Брюсова – тезка. Он – Валерий, и я – Валерий. Только он лирик, а я физик. Вот и вся разница.

Когда Валерик читал стихи, он прикрывал свои черные глаза и получалось очень душевно. Ну вот Ленка и решила своего красавца подруге продемонстрировать. Надя и пришла.

Пили мартини, музыку заводили, и Валерик по очереди

танцевал то с Ленкой, то с Надеждой. Когда Надя домой за- собиралась, Валерик сказал, что двор у Леночки очень тем- ный и он Надю до улицы проводит. А ты, мол, Леночка, пока постельку стели.

Не успели Надя с Валериком из подъезда выйти, как захлестнуло их волной. Горячей, сильной волной любви и стра- сти. И Ленка пролежала одна на своей накрахмаленной про- стыночке до утра.

А Надя и постель не стелила. Не до этого было. Еле сама раздеться успела.

Утром Валерий одевался медленно, говорил тихо. Он го- ворил Надежде, что в душе он большой романтик, и если ве- рить в переселение душ, то в нем живет душа капитана Грея, а Надя – его долгожданная Ассоль. И Ассоль всегда будет ждать его на берегу, и он будет каждую ночь приплывать к ней под алыми парусами.

Через два дня синхрофазотрон вышел из строя, и капитан Грей остался на берегу – на работу не пошел. Портом его приписки стала Надина квартира. Сама Надя каждое утро убегала на работу, сидела до вечера у своего кульмана – чер- тила, а вечером – бегом домой, к своему Грею.

Надежда была самой счастливой и самой несчастной. По- чему счастливой – ясно. А несчастливой-то почему? Да пото- му, что чувствовала себя предательницей. Ленка, лучшая по- дружка, веселая и надежная, конечно, все узнала – ну не могла

ей Надя правды не сказать! И хоть умоляла Надя подружку все понять и зла не держать, Ленка простить ее не смогла. И не звонила. А Надя скучала о ней, потому что только ей, Ленке, могла рассказать о том, что еще никогда в жизни ничего такого, что чувствует с Валерием, не чувствовала ни с кем. И жить без него теперь не сможет.

Капитан Грей оказался капризным, и Надя старалась ему во всем угодить, как могла. Прошло три месяца. А синхрофазотрон все не чинили. Чертежные деньги кончались быстро, и запас на отпуск уже кончился тоже. Надя немного одолжила на работе, но и этих денег хватило ненадолго.

И однажды Надя осторожно, чтоб не обидеть Валерика, сказала, что это не дело – дома сидеть. Мало ли сколько этот синхрофазотрон чинить будут. Может, пока другую работу поискать?

Капитан Грей обиделся, ужинать не стал и сказал, что не ожидал от своей Ассоль такой прозы.

Утром он отправился на поиски работы. И не вернулся. Надя ждала, хотела искать, но тут только поняла, что не знает даже фамилии Валерика, не говоря уже о месте нахождения этого чертового засекреченного синхрофазотрона.

А через три дня позвонила подружка Ленка – веселая и довольная. И пригласила Надю вечером к ней зайти. «Да ну их, этих мужиков. Что, из-за них ссориться? Давай, заходи, кофе поьем, Валерик Брюсова почитает...»

* * *

...Вечерами на пароходе все собирались в кают-компанин потанцевать. Надю часто приглашали, и она танцевала легко и красиво. Жены многих пассажиров ревниво поглядывали, когда их мужья танцевали с ней. Но их опасения были напрасны – Надежда зареклась иметь дело с женатыми мужчинами...

* * *

Следующим, правда, не сразу, в жизни обозначился Метлин. У него, конечно, было имя – Игорь, но по имени его никто не называл. Метлин был намного старше Нади – седой, невысокий, солидный. Метлин был человеком непростым, он возглавлял научно-исследовательский институт. Надя познакомилась с ним на улице. Вернее, она сама была на улице, а Метлин – в машине. Надя опаздывала на работу и решила поймать машину. Ну и поймала – вместе с водителем.

Седина в бороде была налицо, а бес в ребро Метлина постучался в тот самый момент, когда он открыл Наде дверцу своего автомобиля. Вообще-то Метлин бабником не был, но бесы иногда стучатся в ребра и к примерным семьянинам.

Метлин полюбил. Серьезно и нежно. Наверное, так выгля-

дит последняя, поздняя любовь. Каждый вечер он приезжал к Надюше с цветами или какими-нибудь подарочками. Ненадолго. Надя не сердилась, знала – дома ждут. Понимала.

В Новый год Метлин попросил Надю никуда не уходить. Он сказал, что встретит Новый год с семьей, а потом что-нибудь придумает и приедет к своей любимой.

Надя украсила елку, сделала салат, пирог испекла, стол накрыла красиво – белая скатерть, а на ней две красные салфетки – ей и ему.

Звонок в дверь раздался около часу ночи. Надя открыла и вместо Метлина увидела очень похожую на него девушку, почти свою ровесницу. Девушка попросила разрешения войти, села у стола. Помолчала. Потом совсем незло сказала, что все знает – Надя встречается с ее отцом. И очень просит Надю эти встречи прекратить, потому что Метлин нужен ей, ее младшей сестре и особенно маме. У мамы очень большое сердце, и, если отец бросит их, мама не переживет.

– А вы, Надюша, молодая и красивая, и любовь свою настоящую обязательно встретите, и будете счастливы, а папу отпустите.

Надя отпустила. Метлин не сопротивлялся – у него не было сил. Институт отнимал много времени, жена лежала в реанимации, и бес в ребре успокоился.

И снова потянулись одинокие Надины дни и ночи, особен-

но нелюбимые выходные и праздники. Единственным мужчиной в Надиной жизни был Челентано, который время от времени пел ей о любви с магнитофонной кассеты...

* * *

...Наш пароход плыл в обратную сторону. Где-то в Москве уже наступила осень и ее дыхание слегка чувствовалось на средиземноморских просторах.

Последним портом был Стамбул, где Надя хотела купить себе дубленку. Шумный восточный базар оглушил меня, и я Надю не видела.

Вечером все пассажирки прогуливались по верхней палубе в новеньких дубленках, рассматривая друг друга и сравнивая цены. Нади среди них не было. К ужину она тоже не пришла. А зря – в этот вечер нам дали блинчики с вишнями, которые Надя так любила.

Утром я вышла на палубу. Нади не было. Я сидела одна и думала о ней – ну почему она такая невезучая? Она и сама, о чем бы ни рассказывала, все время повторяет, что жизнь ее сплошная безнадега. А она – безнадежная Надежда. Ничего себе, игра слов!

– Куда ж ты делась, подружка? – думала я, уже начиная беспокоиться.

На вечер был назначен прощальный концерт, где я должна была участвовать. Я начала наряжаться, когда в каюту по-

стучали. Я не сомневалась, что это Надя. Так оно и было.

Нарядная Надька стояла в дверях. В одной руке она держала тарелку с большим куском шоколадного торта, в другой – бутылку с вином. И улыбалась своей улыбочкой невинной блудницы.

Я спросила:

– Ну что, сдался капитан?

И в ответ Надя рассказала мне заключительную в этом круизе историю...

* * *

Перед самой Турцией Надежда познакомилась с парходным коком Витей и сразу влюбилась в него. А он в нее. И Надя решила остаться на пароходе – на кухне для нее работа найдется. И будет она с Витей своим рядом бороздить моря и океаны. Это же лучше, чем в конструкторском бюро глаза ломать.

– И представляешь, опять Витька, как мой первый. Наверное, это судьба. И давай за это выпьем. Ведь не зря меня мама Надеждой назвала. Ведь надежда умирает последней!

История третья

Таньки-Маньки, или суп с котом

Кот таял на глазах, и Манька ужасно переживала, прямо с ума сходила. Кот был любимцем семейства, и его кормили на убой. Это несмотря на то что само семейство жило тугоовато, и сейчас Манька стояла у прилавка гастронома, размышляя, купить ли ей пачку пельменей или обойтись, чтобы денег хватило дотянуть до полочки, – ведь Манька в семье не одна, на ней лежит вся ответственность еще за двух Манек и двух Танек.

Дело в том, что в семье Коршуновых всегда рождались одни девочки, и каждую называли в честь ее бабушки. А сами бабушки не торопились расставаться с этим миром, доживая до восьмидесяти пяти – девяноста лет, а младшие девчонки уже лет в семнадцать-восемнадцать катали коляску с очередной Танькой или Манькой. Так что почти всегда в семье одновременно жило четыре, а то и пять поколений. Конечно, в рождении девчонок принимали участие разные мужички, но они все были как бы тенями Танек-Манек.

Манька, которая переживала из-за кота, была как раз третьей по счету – ей было около сорока, перед ней шли восьмидесятилетняя бабушка Манька и шестидесятилетняя мать Танька, а после нее – дочка Танька, которая уже водила в первый класс маленькую Маньку – свое произведение.

А кот, с которого начался рассказ, звали Васей, и он та-
ял, несмотря на то что в доме для него ничего не жалели –
все Таньки-Маньки делили с ним свою небогатую еду. И еще
ему специально покупали хамсу – мелкую рыбешку, томи-
ли ее на сковороде в ароматном подсолнечном масле, так
что выходило, что Васька каждый вечер ел как бы шпроты.
И при этом худел, и его красивая рыжая шкурка облезла, а
шальные зеленые глаза потеряли всяческое выражение.

Переживающая Манька провела общее собрание-конси-
лиум с участием всей семьи, предположений было много, но
объяснения этому явлению так и не нашли.

Манька, отказав себе в очередной пачке пельменей, отве-
ла Васю к платному ветеринару. Врач долго осматривал и
ощупывал кота, но никакой болезни у него не нашел, но на
всякий случай выписал какие-то кошачьи витамины. Васька
витамины ел, но продолжал чахнуть на глазах.

Причину всего происходящего знала только одна Викто-
рия – соседка Коршуновых. Квартира была коммунальной,
обитателей там было человек двадцать, и при этом никто
между собой не враждовал. Наоборот, вечерами жильцы со-
бирались на кухне, тесно заставленной столиками и газовы-
ми плитами, и обсуждали всем миром различные проблемы
– от политики и погоды до жизни знаменитых артистов.

Разговоры о Васькином похудании шли уже третью неде-
лю. Виктория тоже на кухне бывала, разговоры слышала,
единственная знала всю правду и молчала.

Все дело было в том, что именно она, Виктория, и была виновницей происходящего.

Вика жила в этой чудной квартире уже около двух лет, замужем за Владиком – хмурым, пьющим тунеядцем. Как ее, хорошенькую и одаренную девчонку, угораздило так попасть замуж, никто понять не мог. Виктория была студенткой третьего курса театрального училища, подавала большие надежды. С Владиком она познакомилась случайно, на эскалаторе – у нее попал в щель каблук, и она чуть не упала. А высокий, интересный и в тот момент не выпивший Владик помог ей удержаться и освободить туфлю. А потом сработал вечный принцип, что любовь зла, полюбишь и козла. Вот Вика и полюбила, да так, что через две недели они уже расписались, и Владик привел ее жить к себе в коммуналку.

Сам Владик не работал, а есть и выпивать хотел постоянно. Стипендии Вики хватало только на макароны и готовые котлеты для Владьки, а сама – перебивайся как хочешь.

Одно время Вика перебивалась кислой капустой, причем задаром. Недалеко от училища был небольшой рыночек, где бабки-колхозницы всегда продавали квашеную капусту. Ну и покупатели, перед тем как купить, пробовали – какая лучше. И Вика приноровилась каждый день приходить и пробовать – у одной, у другой – так напробуется, что уже вроде и есть не хочется.

Лафа продолжалась недолго – бабки запомнили покупательницу, которая ничего не покупает, а только пробует. Ну

и в один прекрасный день опозорили бедную Вику, запретив ей пробовать капусту и вообще приходить к ним на рынок.

И тогда Виктория изобрела новый способ прокормиться. Поздно вечером, когда все жильцы укладывались спать, она выходила на кухню, где стояла миска в Васькиной едой – то с супом, то с хамсой, то еще с какой-нибудь вкуснятиной. Ну и стала Вика Васькину еду с ним на двоих делить. Иногда брала себе побольше – ведь Васька-то и сам поменьше ее будет. А иногда получалось даже так, что Вика забывала оставить коту его порцию, и Василий оставался голодным.

Виктория и сама очень переживала и несколько раз собиралась прекратить совместные с Васькой трапезы и во всем признаться Маньке. Да так и не собралась.

Развязка произошла сама собой – когда первоклашка Манька поздно ночью вышла в туалет и увидела, что на полу в кухне сидит Виктория, рядом Вася, и они вместе едят из одной миски.

Первоклашка то ли испугалась, то ли обрадовалась, но закричала так, что сама испугалась. На крик прибежали все Таньки-Маньки и другие жильцы.

Вот скажите, что тут должно было начаться? Крики: позор! Как не стыдно! Да?!

А ничего такого не началось. Помните, я же рассказывала, что в этой квартире никто не враждовал, и поэтому бедная Виктория испугалась напрасно. Таньки-Маньки почти что хором стали Вику жалеть и говорить, что бедная девочка

зря так себя мучила, надо было сказать, что есть ей нечего, и они бы сами ее подкармливали, и не пришлось бы тратиться на платного ветеринара.

Вике было очень стыдно, она плакала и обещала больше у Васьки не есть, и еще она сказала, что когда она окончит училище и станет известной артисткой, то всю квартиру пригласит на какую-нибудь модную премьеру, где она, Виктория, будет играть главную роль. И всех посадит в первый ряд.

А дней через шесть Виктория исчезла. Уехала жить к своим родителям. Нет, она не бросила Владьку – она его любила, несмотря на то что он был пьяницей и тунеядцем. Это он бросил ее, вернее, не бросил, а явился под вечер с подвыпившей, как и он, женщиной, и сказал: «Знакомьтесь, это Виктория, моя теперь уже бывшая жена, а это – Любовь, моя новая любовь». Любовь осталась ночевать с Владиком, а Вика появилась вся заплаканная в родительском доме и дала себе и родителям слово – забыть Владика навсегда.

Владик, хоть и не сразу, но все же действительно забылся. А вместе с ним и квартира, вместе с котом Васькой, Таньками-Маньками и обещаниями премьеры с местами в первом ряду.

...А годы считать – невеселое дело,
Тогда объясните – зачем их считать?..

Виктория и не считала, а они шли и шли. Уже сыграно

много ролей, главных и не главных, и цветы, и летучие и серьезные романы, и гастролы в разных городах и странах, и много разных телевизионных передач – все пришло в обмен на первую горячую молодость.

У Виктории было запоминающееся лицо, голос, который невозможно было спутать ни с каким другим, ее узнавали на улице, просили дать автограф. Характер у Вики смолоду был хороший. Она, и став звездой, не покрылась бронзой, вела себя со всеми приветливо и дружелюбно, одевалась так же, как те, кто просил у нее автографы. И, если бы заставили обстоятельства, Вика вполне могла бы снова поесть вместе с котом из одной миски.

Взрослое замужество Виктории было удачным и радостным, и можно вполне было сказать, что кривая дорожка ее жизни вела и на крутую гору, где Вика и оказалась.

Звонили Вике часто – режиссеры, драматурги, просто знакомые и друзья.

Однажды Виктория услышала в трубке знакомый голос, но не сразу поняла – кто это и в чем дело. А поняв, радостно рассмеялась. Это был голос из далекого прошлого и принадлежал Маньке, той самой, которая страдала из-за кота. И Манька сказала Вике буднично и строго, что, хоть она, Виктория, и заслуженная артистка и по телевизору часто выступает, все равно долги возвращать надо.

Вика, смеясь, сказала, что обязательно отдаст – купит

Ваське хоть все, что есть в зоомагазине, – чтоб он наелся до-сыта.

Но Манька печально сказала, что Васи давно нет, правда, в честь него назвали мальчика, самого первого в семье, которого родила бывшая первоклашка Манька. Она и в школе училась неважно, а теперь вот семейную традицию сломала, и красивая цепочка из Танек и Манек заканчивается мальчишкой Васькой, названным вы уже знаете в честь кого.

А отдать долг Манька попросила по-другому. Дело в том, что она, Маня, работает сейчас комендантом в женском общежитии при текстильной фабрике. И девчонки-ткачихи все лимитчицы одинокие и в любовь совсем не верят, и плачут вечерами по комнатам, и одна даже повеситься грозитя.

А она, Виктория, у них на стене кнопками приделана – на цветной афише, которую девчонки с забора аккуратно сорвали. Они, ткачихи, ее по телевизору часто видят и обожают. И если Вика в общежитие к ним приедет и с ними по душам поговорит, они в любовь поверят и плакать перестанут, а одна и вообще вешаться раздумает.

Виктория приехала в общежитие на следующий день. Манька почти не изменилась, только растолстела. Она скомандовала девчонкам стулья в ряд поставить и усесться поудобнее. Викторию она называла на «ты», демонстрируя лимитчицам свою близость к артистическому миру.

И Вика стала рассказывать – все-все – и про себя, и про

Владьку – козла и пьяницу, и про Любовь, которая к нему однажды ночевать пришла, и про все свои слезы, и про удачу – говорила, говорила. А девчонки-текстильщицы слушали и плакали, и сама Вика тоже плакала. Особенно всем понравилось про миску с кошачьей едой.

Когда Виктория уходила, девочки ее очень благодарили за рассказ и подарили на память коврик, который они сами соткали из бракованных ниток, но получилось очень красиво.

Этот коврик до сих пор лежит у Виктории на даче, на диванчике, и на нем очень любит спать ее любимый пудель Фараон.

А через несколько дней в первом ряду на премьере в театре сидели Манька, Танька и еще одна Манька. Когда Вика в конце вышла на поклоны, они хлопали громче всех.

История четвертая

Тихиус!

В ту зиму обстоятельства моей жизни складывались так, что мне пришлось снимать квартиру. Квартира эта находилась в доме, построенном в тридцатые годы. Дом был четырехэтажным, с очень красивым подъездом и мраморной лестницей. Ступеньки лестницы были пологие и подниматься по ним было легко. Лифт в общем-то нужен не был, но он имелся. Его пристроили намного позже, и я, конечно, поднималась и спускалась со своего третьего этажа на лифте.

Кларка с четвертого этажа попадалась мне в этом лифте каждый день. Казалось, что она живет ровно по моему расписанию – я из дома, и она тут как тут. Мы с Кларкой быстро познакомились и вместе топали пешком до метро – ровно 15 минут, и, конечно, по дороге болтали обо всем на свете. Сначала – о чем все малознакомые люди говорят – о погоде, об артистах и так, о всякой чепухе. Постепенно мы привыкли друг к другу, и я даже поймала себя на том, что, вызвав лифт, жду, пока хлопнет Кларкина дверь, и она сбежит на один этаж, и мы поедем вместе.

Кларке было 25 лет, но на вид она была похожа на ученицу какого-нибудь одиннадцатого класса – невысокая, тощая, глазастая. Бессмысленно рисовать Кларкин подробный портрет – чего бы я про нее ни сказала, все равно не сказа-

ла бы ничего. Обыкновенная среднестатистическая девушка. Но если бы все было действительно так просто, не стала бы я эту Кларку каждый день поджидать – мне и одной до метро топать не скучно – думай себе о чем хочешь или песенку сочини. Но Кларка меня как будто заколдовала – была в ней какая-то загогулина, которая отличала ее от всех остальных среднестатистических девушек. То ли душевность, мягкость невероятная, то ли внимание, с которым она слушала, то ли веселая боль, с которой она рассказывала о себе.

Что такое веселая боль? Разве такая бывает? Вообще-то нет. Но в Кларке она жила.

Теперь я попытаюсь рассказать по порядку и подробно про Кларкину жизнь – так, как она сама мне рассказывала.

До двадцати лет Кларка жила с родителями – людьми положительными и правильными. Отец был строг с дочкой, и она знала, что если у нее с кем-нибудь что-нибудь, ну сами понимаете что, – произойдет, отец узнает и вырвет ей ноги – так он сам ее предупредил.

– Учти, – говорил отец, – сначала замуж, а потом уже любовь.

Правда, Кларка считать умела, и легко подсчитала, что родители ее поженились в апреле, а в августе она уже родилась. Выходит, что любовь была все-таки раньше, чем штамп в паспорте. А теперь грозят. Но Кларка слушалась. До поры до времени.

Однажды в Кларкиной квартире сломался телефон, и они вызвали мастера, и пришел невысокий очкарик в сером свитере. Как только Кларка его увидела, она сразу поняла, что ее, как лодку, оторвало от берега, и куда она дальше поплывет, теперь зависит только от этого телефониста.

Кларка была дома одна и, когда очкарик уходил, дала ему, как полагается, на бутылку и расписалась в квитанции. Она успела рассмотреть, что фамилия мастера Жарков.

«Жарков, не уходи!» – глупо подумала Кларка, когда дверь за ним уже захлопнулась и лодка замерла на мели. Но тут водоворот развернул ее на сто восемьдесят градусов, и Кларка увидела, что в коридоре на тумбочке лежат его часы!

– Ура! Забыл! Вернется! – завопила счастливая Кларка.

И он вернулся – уже ближе к вечеру. Он вошел, посмотрел на Кларку так, как будто днем он ее не видел, протянул руку для знакомства: «Сергей».

– Клара, – пропела Кларка, и уже знала, что Жарков сейчас скажет про кораллы и Карла, который их у Клары украл. Потому что все, с кем Кларка знакома, обязательно это говорили. И точно. – А, та самая Клара, у которой Карл... – Сергей не договорил, улыбнулся и вдруг продекламировал:

Жарков у Клары не крал кораллы,
Жарков у Клары часы забыл.

Все-таки он оказался пооригинальнее других – порадова-

лась Кларка.

Жарков направился в сторону двери, и Кларка, вспомнив, как в «Войне и мире» Андрей Болконский на Наташу Ростову загадывал, задумала так – если Жарков, уходя, обернется через левое плечо, я выйду за него замуж.

Жарков обернулся через правое плечо и сказал:

– Ну, что, Клара, замуж за меня хочешь?

Клара вздрогнула и кивнула:

– А что, может быть.

И начались встречи. Кончался сентябрь, дождь лил не переставая. Кларка влюблялась и раньше – но не так. Она считала минуты, торопила часы, когда не видела Жаркова. Каждый раз боялась, что непрекращающийся дождь сорвет их встречу.

В тот вечер, когда Жарков не пришел, дождя как раз не было. Кларка проплакала всю ночь: «Бросил! Надоела! Не переживу!»

Наутро в почтовом ящике она увидела букет золотых шаров, и в них бумажка: «Прости, любимая, потом все объясню».

Это «потом» тянулось четыре дня – грустных и проплаканных. А на пятый день Сергей пришел, вызвал Кларку во двор. Они сидели на качелях, на детской площадке, и дождь размывал Кларкины слезы, потому что Жарков сказал всю правду – что он женат уже два года, и у него десять дней на-

зад родился сын, и что он не пришел, потому что забирал жену Надежду из роддома, и что больше они с Кларкой встречаться не будут.

Кларкина душа умерла. А через два дня Жарков пришел снова и сказал, что не может жить без Кларки – самой чудной своей девочки. И душа ожила снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.